

ЛУРАЭОН

ЦИКЛ

18+

РОЖДЕННАЯ
ИЗ

ПЕПЛА

18+

АВРОРА ДАРЬЯ БОРЕАЛИС

Аврора Дарья Бореалис

Рождённая из пепла

«Автор»

2026

Бореалис А.

Рождённая из пепла / А. Бореалис — «Автор», 2026

Аврора — нефилим без клана, дерзкая, свободная и не умеющая держать язык за зубами. Совет Старейшин зовёт её изгоем. Правда окажется куда опаснее. За ней приходят те, кто обрёл бессмертие, пожирая чужие искры. А единственный, кто встаёт между ней и ними, — Максимилиан, предводитель воинского клана, к которому она с самого начала испытывает ненависть пополам с влечением. Чем ближе Аврора подбирается к правде о себе, тем страшнее эта правда. Пламя, из которого она родилась, способно спасти мироздание. Или обратить его в пепел. Первая книга цикла «Дети Вечности». Вселенная Ауразон. 18+.

© Бореалис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ауразон. Дети Вечности	5
Посвящение	6
Предисловие	7
Пролог	9
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	43
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Рождённая из пепла

Ауразон. Дети Вечности

Посвящение

“Ибо не утратив жизнь, не сохранишь её и не воскреснешь вновь, если не умрёшь.”

Посвящается Детям Вечности — тем, кто ещё не знает, что они ими рождены.

Предисловие

Действия разворачиваются во Вселенной Аураэон.

Крононианские древние хроники

Сначала было Первое Пламя. Только Свет. Он не имел имени, ибо некому было его произнести. Он струился сквозь пустоту единым дыханием, зажигал первые звёзды, рождал первые искры жизни и ещё не знал ни времени, ни смерти.

Из Первого Пламени возникло всё, что впоследствии научилось дышать, чувствовать и помнить. Древнейшие народы назвали саму суть жизни Элионом. Они говорили, что вся Вселенная — лишь бесконечное полотно, сотканное из его нитей. Великое Плетение Бытия.

Во всяком живом существе текла искра Элиона. Одни слышали её едва различимо, другие умели направлять её силу, преображая саму ткань реальности. Поднимались цивилизации, возводились города, дворцы и цитадели знаний. Звёздные Врата связывали самые далёкие миры, и путь между созвездиями был столь же привычен, как путь между соседними домами.

Эта эпоха вошла в историю как Сияние — золотой век Аураэон.

Но спустя десятки тысяч циклов произошло то, чему летописцы так и не нашли объяснения. Свет начал уходить.

Первыми изменились самые далёкие миры. Их Искры слабели, магия угасала. Жизни, некогда измерявшиеся тысячами циклов, становились всё короче. Одни народы покидали свои дома, стремясь ближе к сердцу известных звёздных путей. Другие оставались, принимая новую судьбу. Никто не понимал причины Великого Угасания. Одни утверждали, что сам Элион истощился. Другие винили Древних. Третьи говорили о силе, пришедшей извне. История сохранила множество теорий. Истины не было ни в одной из них.

Шли циклы, и становилось всё очевиднее: жизнь сохранялась лишь в мирах, где поток Элиона ещё оставался достаточно силён. Постепенно эти миры образовали последний пояс, внутри которого Свет продолжал питать Искры. Летописцы назвали его Кругом. Сама жизнь словно отступила к своему последнему рубежу. Всё, что лежало ближе к сердцу Аураэон, продолжало бороться за прежний мир. Всё, что оставалось за пределами Круга, быстрее погружалось во тьму, смертность и забвение.

Но границы Круга никогда не совпадали с границами миров, и целые цивилизации оказались разделены. Особенно тяжёлой стала судьба Андермории. Её владения простирались так далеко, что одна их часть продолжала жить под трансляцией Элиона, тогда как другая постепенно погружалась во тьму угасающих миров. С каждым циклом различия становились всё глубже, и единый прежде народ начинал жить двумя разными судьбами.

За пределами Круга жизнь требовала иной цены. Некоторые цивилизации исчезли. Некоторые научились существовать без магии. Другие начали искать способы победить саму смерть. Так в дальних пределах миров Андермории постепенно возник народ, которого позже назовут дейронами. Лишённые прежних потоков Элиона, они отвергли Великий Путь и обрели бессмертие иной ценой — поглощая чужие Искры.

Когда Света перестало хватать для всех, началась война. Уже не за территории и не за древние престолы — за само право жить. За последние миры, где ещё продолжал течь Элион.

Так началась эпоха, которую история запомнила как Войну Круга. Миры один за другим превращались в осаждённые крепости. Древние библиотеки сжигали, чтобы знания не достались врагу. Звёздные Врата запечатывали одни за другими, разрывая связи между мирами в надежде остановить наступающую тьму. Союзы распадались, а цивилизации, ещё недавно

создававшие чудеса, учились лишь одному — выживанию. Тогда же впервые родилось чувство, прежде незнакомое народам Аурабон: страх перед завтрашним оборотом.

С тех пор минули тысячи циклов. Многие уже забыли, каким был мир до Войны Круга. Древние хроники превратились в легенды, а истина — в миф.

Но даже теперь, когда надежда стала редкостью, а память о прошлом почти стёрлась, история Великого Плетения ещё не завершена. Ибо именно в эпоху, когда весь Аурабон учился жить среди руин собственного величия, в пепле и камне сохранилось множество ответов.

Но самые важные вопросы ещё только предстояло задать.

Именно тогда и начинается наша повесть.

Пролог

Это всё уже было.

Тот же холод по левой стороне шеи. Тот же запах гари, которого ещё нет. Тот же миг перед тем, как всё начнётся, и то же тело, которое помнит конец раньше, чем случилось начало. Нам говорили, что история движется кругом. Говорили так спокойно, будто круг¹ — это про древние царства и забытые войны, про что-то далёкое, чужое, не про нас. Будто можно стоять в стороне и смотреть, как колесо проворачивается где-то там, на недоступном расстоянии. Но круг не “где-то там”. Круг — это ты, делающая вдох. Та же рука, тянущаяся к тому же лицу. Те же слова, которые ты клялась не произносить, и вот они снова у тебя на губах — тёплые и неизбежные.

Каждый раз мы думаем, что в этот раз всё иначе. Что мы уже всё поняли и теперь сойдём с Круга. Однако каждый раз, доходя до той самой точки, обнаруживаем, что ноги сами несут нас по выученной дуге. И всё же есть кое-что, чего нам не сказали.

В круге есть одна точка. Одна-единственная. Где нить Великого Плетения ещё мягкая. Где всё ещё можно... нет, не вырваться. Вырваться нельзя, но переткать чуть в сторону: расширить круг настолько, что он перестанет быть клеткой и станет дорогой.

Почти никто её не находит. Почти все проходят мимо, узнавая её слишком поздно, уже на следующем витке.

Я не нашла...

Нам говорили, что история циклична.

Теперь говорю я.

¹ Круг — древний закон мироздания, согласно которому история, судьбы и выбор неизменно возвращаются, принимая новые формы.

Глава 1

До начала не было ни тьмы, ни света — было Безмолвие, и хроники старше нас утверждают, что оно слушало.

Потом случился Вдох. Единое дыхание прошло сквозь пустоту, и там, где оно коснулось “ничего”, вспыхнуло “всё”: первые звёзды, первое время, первые имена.

Дыхание это мы зовём Первым Пламенем.

*Всё живое с тех пор — лишь его выдох,
растянутый на вечность.*

*— Крононианские хроники. Свиток первый:
“О вдохе”*

В свою защиту хочу сказать: план был блестящий. До того момента, как перестал быть планом.

Илани, как всегда, предупреждала меня об опасности моей затеи. А я, как всегда, её не послушала.

— Если в этот раз тебя поймают, я не приду в рошу забвения на твои похороны, — прошипела Илани мне в спину, когда я перелезала через живую ограду из переплетённого вьюна, окружавшую внутренний сад при Доме Совета. — Я серьёзно, Рори. У меня кончились слова, кончилось терпение и кончились оправдания, которые я скормливаю твоей матери каждый раз, когда мы проворачиваем подобное.

— У тебя никогда не заканчиваются слова, Илани, — отозвалась я, не оборачиваясь. — Мне кажется, даже не будь у тебя рта — ты всё равно найдёшь способ что-то сказать.

Илани рассмеялась.

Она что-то ответила, но я уже была на нижней ветке старого дерева-носителя, обвившего стену, и слышала только ветер в листьях. Илани осталась внизу: маленькая, с прекрасными каштановыми кудрями, с лицом, которое вот уже одиннадцать раз поклялось себе больше никогда не приходить сюда. И всё-таки пришло в двенадцатый.

Я любила её за это.

Эли'Нария, моё поселение, раскинулось полукругом у главной площади, в узкой долине между двумя пологими холмами. На юге протекала река, на севере росла старая роща, переходящая в Закатный лес — тот самый, в который меня на протяжении всей жизни не пускают. Дома у нас выращивают из плотной глины с травяным волокном. Крыши плетёные, многослойные, как раковины, со временем покрываются мхом и становятся частью пейзажа.

В центре площади лежала старая мозаика: восемь лучей расходились от одного круга — четыре принадлежали эурадонским родам, четыре нефилимским кланам. Восемь голосов Совета. В детстве мне казалось, что именно так и устроен мир: если посадить восемь достаточно древних существ в одной комнате, они непременно договорятся. К двадцати четырём циклам я уже знала, насколько ошибалась.

Собрание старейшин у нас проходит в Доме Совета в самом сердце площади — огромном павильоне из живого тёмного дерева, выгнутом, как ладья, поставленная на воду. Изнутри он светился тёплым медовым светом, и с площади за резными ставнями можно было различить только движущиеся силуэты.

Внутри Дом был разделён на два полукруглых зала, находящихся под общим сводом. В одном из них старейшина рассказывал детям членов Совета истории — красивые, отполированные временем сказки. Во втором, через коридор и три порога с резными знаками, Совет обсуждал то, чего детям знать не полагалось.

Мне, разумеется, не полагалось ни того, ни другого. Я нефилим, который ни одному клану не подошёл, и это, как мне дали понять ещё в детстве, аномалия настолько неприличная, что её предпочитают не обсуждать. Илани зовёт меня “свободной”. Совет — “изгоя номер один”. Я остановила свой выбор на первом варианте. Звучит всё же лучше, чем изгой.

Я подтянулась на ветке древа-носителя, спрыгнула на тёплую плетёную крышу одного из боковых павильонов и пробежала по ней почти бесшумно. Крыши Эли'Нáрии плетут так, что они слегка пружинят под ногами. Оттуда через слуховое окно проскользнула в коридор между двумя залами. Я знала это место наизусть. Знала каждую щель в этом доме лучше тех, кто там заседал. Если тебе всю жизнь говорят “не суй сюда нос”, сразу вырабатывается обратное: нос как у ищейки и абсолютная карта запретного. Видать, бунтарство у меня в крови и, как бы я ни пыталась это изменить, ничего не выходит.

Я опустила на колени у вентиляционной решётки из резного дерева, обвитого живым плющом, сквозь которую было отлично слышно всё, что говорится в большом зале. Прижалась лбом к прохладной древесине и стала слушать.

— ...и тогда, — говорил старейшина Корвен своим прекрасным, поставленным голосом, — нейли² спустились с небес. Их крылья были из света, а голоса из музыки, которой Эурадон прежде не знал. Они полюбили нашу планету и увидели, как мы беспомощны перед тенями за границей круга. Они подарили нам защитников — своих детей, нефилимов.

Дети ахнули. Они всегда ахают в этом месте. Я помню, как сама удивлялась когда-то: маленькая, с двумя косичками, сидящая на этих самых подушках, пока меня сюда ещё пускали.

Враньё.

Не то чтобы прямое. Корвен слишком умён для этого. Он врёт, недоговаривая самую важную часть этой истории. Он не сказал, например, что нейли на самом деле никого не полюбили — они пришли, потому что Война Круга³ докатилась и до Эурадона. Между эурадонцами и потомками нейли существует соглашение: нефилимы защищают планету и мирных жителей от всех опасностей, а эурадонцы не суют свой нос на их территории и снабжают продовольствием их кланы. Соглашение работает безупречно и никто не жалуется. Кроме меня, разумеется.

Я честно пыталась внимать советам родных не совать свой нос куда не просят, но это ничуть не мешало мне регулярно доставлять неприятности Совету. Просто я терпеть не могу секреты. Особенно, если в их корне существую я.

Об истории нейли и их потомках-нефилимах я знаю достаточно много, потому что у меня нет клана. А отсутствие клана дарит таким одиночкам, как я, уйму свободного времени, чтобы читать в библиотеках всё, что старейшины не успели припрятать.

— А правда, — пискнул один из детей, — что нефилимы не умеют умирать?

— Нефилимы умеют умирать, — мягко поправил Корвен. — А вот нейли — это совсем другая история.

— А правда, что Импириан Альянс победил тени и поэтому теперь внутри Круга — мир? Маленькая пауза, совсем короткая. Если не вслушиваться, не заметишь.

— Импириан Альянс *заклучил* мир. Это значит не одно и то же, что победить. Запомни эту разницу, дитя. Когда вырастешь, она тебе пригодится.

Умный старик. Я почти уважала его за это.

Я отползла от этой решётки и переместилась к другой — той, что выходила в малый зал. Ради этого, собственно, я сюда и пришла.

Большой зал с детьми был лишь разогревом. Отдельным удовольствием было слушать, как взрослые врут детям, и сравнивать с тем, что они говорят друг другу за закрытыми дверями.

² Нейли — древний народ света и создатели нефилимов. Именно они возвели Астрионы, основали кланы и принесли Элион на Эурадон.

³ Война Круга — величайшая война эпох, разгоревшаяся за власть над потоками Элиона и изменившая судьбу множества миров.

Голоса старейшин в малом зале были другими. Казалось, будто они провели здесь несколько бессонных оборотов и тяжело устали.

— ...третий цикл подряд. — Я узнала старейшину Веру, нефилимку из Альяр, по тому, как она роняла окончания. — Третий и каждый раз тоньше. Если печать⁴ продержится ещё цикл, я съем свой плащ.

— Печать держится больше двадцати циклов, Вера.

Это была Маэна. Её невозможно было перепутать с другими. Она говорила с непоколебимым, корневым спокойствием вождя-эурадонки.

— Печать держалась больше двадцати циклов, Маэна, — отрезала Вера. — Прошедшее время. Я лично видела, как ткань у северного шва истончилась на ладонь. На целую ладонь всего за семь оборотов⁵!

Я перестала дышать.

Они говорили о печати. О той самой, которой, по официальной версии, не существует, потому что Эурадон — открытая планета на границе Круга, и “никто её ни от кого не запечатывал”.

Враньё.

Больше двадцати циклов назад нейли запечатали Эурадон своими руками, своим светом, своим решением. Они нас закрыли. Об этом не рассказывают детям. Об этом не говорят никому.

— Если сдаст совсем, — чувствую своими рыжими прядями, Вера обвела сейчас зал тяжёлым взглядом, потому что голос её упал, — дейроны⁶ абсонируют⁷ сюда в первый же цикл. Их манит трещина, как мотыля свет. Сейчас печать держит их по принципу плотности, и они не могут пройти. Если плотность упадёт ещё на четверть, они окажутся здесь.

— А мы? — тихий голос Маэны.

— А мы — больше не в безопасности.

— Мы и сейчас не в безопасности, — сказал низкий мужской голос. — Мы заперты, а это разные вещи. Мы внушаем себе, что это безопасность, а на самом деле это клетка, в которой до поры до времени нет хищника.

— Печать была подарком. Возможно ли убедить нейли укрепить её? — Маэна подалась вперёд, сцепив пальцы.

— Печать была решением, принятым за нас. Теми, с кем мы уже больше двадцати циклов не имеем связи.

Я зажала себе рот ладонью.

Двадцать циклов. Двадцать циклов нейли молчат?

Я знала, что они далеко, на своей планете. Все знают это, но чтобы они не отвечали? “Нейли наблюдают”, “нейли услышат, когда нужно”, “нейли всегда рядом” — это первые три фразы, которые я выучила в детстве, и я в них когда-то верила. К двенадцати циклам перестала, но даже мой атеистический вариант веры предполагал, что нейли где-то есть, и до них в крайнем случае можно достучаться. А оказывается, больше двадцати циклов мы заперты в сундуке, и тот, кто закрыл крышку, не отвечает на стук.

⁴ Печать — древний барьер, защищающий Эурадон от вторжения извне. Пока Печать остаётся целой, дейроны не способны проникнуть в мир в полной силе. Когда она истончается, сквозь трещины начинают абсонировать чужие.

⁵ Оборот · оборот звезды — полный путь звезды по небосводу. Основная мера времени, соответствующая одним суткам. “До нового оборота звезды” — до утра.

⁶ Дейроны — народ поглощающий силы. Отказались от внутренней культивации и существуют за счёт насильственного впитывания чужой Искры. Не просто “тёмные” — онтологически повреждённые: их цивилизация держится на невозможности жить иначе.

⁷ Абсонирование — короткий прыжок сквозь ткань пространства — телепортация на малое расстояние. краткий переход сквозь разлом пространства, позволяющий мгновенно преодолеть небольшое расстояние.

— ...нам не хватит нефилимов, — Вера повысила голос. — Я считала: если печать упадёт хотя бы на ладонь больше, нас — и нефилимов, и эурадонцев — просто не хватит. Только вспомните, что было в прошлый раз, когда дэйроны прорвались к нам.

— Решение должны искать предводители, Вера. Где, кстати, предводитель Кондár? Он опаздывает на собственное заседание. Я начинаю думать, что у него это входит в привычку.

— Он войдёт, когда сочтёт нужным.

— Прекрасно. Какая роскошь: иметь привилегию входить, когда сочтёшь нужным. У меня в его возрасте такой привилегии не было. У меня была дисциплина и страх перед матерью, и оба оказались...

Воздух за моей спиной изменился.

Я не услышала ни шагов, ни каких-либо звуков в пустом коридоре. Просто в одно мгновение за моей спиной кто-то появился, и от этого “кого-то” шла очень ровная, тяжёлая тишина, какая бывает только перед грозой.

Волосы на затылке встали раньше, чем я успела повернуться.

“Так, — я на миг прикрыла глаза, — Рори, у тебя есть три варианта. Первый: умереть. Второй: соврать. Третий: сделать вид, что мёртвая, и потом соврать. Голосуем”.

И тут чужая рука легла мне на плечо.

От прикосновения я почувствовала мелкий заряд тока и резко отскочила на тех же согнутых коленях, вырываясь из хватки. Он это тоже почувствовал.

Я оглянулась назад, и это, мне кажется, был самый нечестный момент за всю мою короткую, но довольно бурную жизнь. Потому что тот, кого я приготовилась ненавидеть прямо сейчас и до конца своей жизни, выглядел как тот, кого ни в коем случае не хотелось бы предавать роще забвения.

Передо мной стоял мужчина на голову выше меня. Светлый нефилимский камзол с вплетёнными серебряными нитями, застёгнутый по диагонали треугольными серебряными пуговицами, сидел на нём идеально. Тёмно-русые длинные волосы, чуть ниже плеч, были зачёсаны назад, открывая выбритые виски и высокий лоб. По нему асимметрично расходились крупные угловатые сгилы⁸, похожие на сломанные молнии. Чуть выше бровей, прямо посередине, проступал маленький росток, тянувшийся двумя светящимися линиями вверх, а между ними — стрела, опущенная вниз. Переносицу прочерчивали две тонкие, горизонтальные серебристо-дымчатые линии. Сгилы продолжались на шее, уходили под высокий зеркально-серебряный воротник на грудь и снова появлялись на тыльной стороне кистей. Светло-серые глаза смотрели на меня прямо, без выражения.

Ах, ну какие же это были красивые глаза...

Оружия при нём не было, и от этого почему-то становилось ещё страшнее.

Меток у него на теле было больше, чем я когда-либо видела на ком-то живом. Я насчитала шесть крупных, прежде чем поняла, что считаю, и заставила себя остановиться.

— Так-так, — сказал голос над моей головой. С тем оттенком веселья, который у некоторых звучит страшнее ярости. — Занимательно.

“Голосование закрыто, — подвела я итог. — Вариант: умереть”.

— Поднимайся, Искорка.

Я медленно поднялась на ватных ногах.

“Наглец какой, — успела подумать я отчётливо, прежде чем мозг включился полностью. — Но красивый до жути. Не взбеси он меня сейчас, я ещё порядка десяти ударов сердца могла бы фантазировать о нём”.

Я отвела эту мысль прочь так быстро, что у меня загудело в ушах.

⁸ Сгил — личный голос культиватора. Знак силы, впечатанный в кожу как продолжение проводимости: живая печать Искры, проявляющаяся на теле. С ростом силы сгил раскрывается и становится её зримым воплощением.

— Искорка? — Я прокатила это слово на языке, как что-то сомнительное, и приподняла бровь. — У вас это в клане называется приветствием?

— У меня в клане, — он даже не моргнул, — это называется описанием.

Это что ещё значит?

— Ещё у тебя сигилы на руках светятся, и если ты удумала использовать свой дар на мне, сразу предупреждаю — это ни к чему хорошему тебя не приведёт.

Чтоб провалиться этому Дому Совета вместе со всеми его жильцами!

Сигилы у меня на запястьях действительно слабо мерцали. Тонкие, серебристые, обычно спящие, потому что силу я свою почти не использую, что уж говорить о тренировках. А сейчас они горели. “Предатели“, — мысленно бросила я собственным рукам.

Я сжала кулаки. Мерцание не погасло. И всё это в присутствии этого незнакомца. Вот попала...

— Может, я просто рада нашей встрече, — я скрестила руки на груди, пытаюсь хоть как-то выйти сухой из воды.

— Может, — согласился он. — Тогда у тебя своеобразное представление о радости.

— А у тебя, видимо, своеобразное представление о встречах. Обычно при них здороваются.

— Я назвал тебя Искоркой, по нашим меркам это почти комплимент.

Комплимент? Он сейчас издевается, что ли?

Он смотрел на меня сверху вниз не любуясь и не оценивая, а так, будто сличал с описанием в каком-то списке, и оно почему-то не сходилось. Мне это не понравилось.

— Имя, — одно слово, без вопроса, как приказ.

“О нет, дорогой мой, я в это не играю”.

— А ты кто такой, чтобы спрашивать? — Я вздернула подбородок.

— Тот, кто стоит между тобой и очень серьёзными проблемами.

— Прекрасная должность. Много ли благ за неё выдают?

Уголок его рта дёрнулся. Намёк на то, что улыбка была когда-то возможна, в другой жизни, у другого нефилима.

— Иди вперёд. — Он качнул головой в сторону прохода. — Побежишь — поймаю на третьем шаге. Решай.

— Какой богатый выбор, — фыркнула я. — Я обескуражена.

— Вперёд, Искорка.

— Перестань меня так называть.

— Не раньше, чем узнаю твоё имя.

Он неслышно шёл за мной на расстоянии полушага. Между лопаток я ощущала его тяжёлое внимание. Казалось, будто я чувствую тепло его ладони на своей спине.

“Не оборачивайся, — скомандовала я себе. — Аврора, запрячь все свои грязные мысли куда подальше”.

Я не обернулась. И это была моя маленькая личная победа. Единственная за всю тёмную фазу. Я решила её запомнить.

Малый зал я знала хорошо. Видела в детстве, когда старейшины решали, как со мной поступить, но с тех пор едва ли мне удавалось попасть сюда хоть ненадолго.

Зал был круглый, как и площадь снаружи, и устроен был по тому же принципу: четыре эурадонских кресла из тёмного дерева, обвитые живой лозой, и четыре нефилимских из светлых и голубых кристаллов с тонкими прожилками сигил. Между ними ровные промежутки. Но в зале сейчас было не восемь кресел, а девять. Девятое — временное, поставленное чуть в стороне от круга, на полшага ближе к центру. По материалу оно явно выглядело как нефилимское. Сегодня к восьмерым должен был присоединиться ещё и предводитель одного из кланов. А предводители не приходили в Эли’Нарию ради пустяков.

Восемь голов повернулись в нашу сторону одновременно. Большую часть лиц я знала лично.

— Аврора, — в голосе Маэны не было и тени удивления. — Опять.

Маэна была нашим вождём — седой, узкокостной, с глазами цвета мокрого песка. Кожа её была смуглой, обветренной, как у всех, кто полжизни провёл у реки. Волосы были заплетены в одну тяжёлую коричневую косу, перетянутую жгутом из живой лозы, в которую были вплетены сухие листья. Я в детстве пыталась их сосчитать. Сбилась со счёта.

— Сколько раз, дитя?

— Я не считала.

— Я считала, — закатила глаза Вера. Беловолосая, как все Альяр, с длинной косой, перекинутой через плечо. В волосах таинственно мерцала одна серебряная нить, вплетённая у самых корней. Кожа слегка смуглая, тёплая, с россыпью светлых веснушек на скулах — у Альяр довольно часто встречается контраст белого и смуглого. Глаза бирюзовые, узкие, очень внимательные. У виска — выцветший сигил их клана. — Одиннадцать. Это двенадцатый.

— Двенадцать — хорошее число, — как бы невзначай заметила я. — Округлое. Можно остановиться.

— Можно было остановиться на первом, — не поднимая на меня глаз, обронила она.

Стоявший позади незнакомец медленно прошёл мимо меня на расстоянии ладони. Я почувствовала движение воздуха и запах: холодная вода, металл, что-то свежее-травяное, чего я не узнала. Я запомнила этот аромат сразу, и мне это не понравилось, потому что запоминать я не хотела.

Он сел в девятое кресло.

И у всех восьмерых в зале одновременно изменились лица.

У Маэны напряглась челюсть. Вера выдохнула коротко через нос. Корвен — старейшина, который только что рассказывал детям сказки и, видимо, вошёл в зал пока я отвлекалась на незнакомца, — поджал губы. Он был самым умным из четверых зурадонцев и самым осторожным, поэтому ему доверяли детей.

Старый Атаур, наоборот, чуть наклонил голову вперёд с уважением, которого с его стороны я не видела никогда ни в чей адрес. Тот самый, что когда-то в детстве погладил меня по голове и сказал моей матери: “Из неё ничего хорошего не выйдет”, думая, что я не слышу. Я услышала и запомнила.

Со стороны нефилимов сидели четверо, включая Веру.

Каждый раз внешний вид нефилимов сбивал меня с толку: хоть они и подвластны времени, их кожа теряет упругость, у виска появляется седина, но тело они держат в изумительной форме до самого забвения, потому что нефилим без тренированного тела — не нефилим. А если ты предводитель или старейшина, то твоё тело — это инструмент, который ты не имеешь права запускать. Нефилимы жили долго. Слишком долго по зурадонским меркам, но слишком мало по меркам нейли. Все четверо в этом зале выглядели так, словно им не нужны были слова, чтобы их поняли — достаточно одного взгляда.

“О, — детали в моей голове медленно складывались воедино, принося запоздалое осознание. — Это тот самый молодой предводитель Кондър, который занял место Талерина. Это его они ждали”.

Внутри у меня что-то очень неприятно опустилось. Аврора... чтоб тебя в хаос! Ну почему ты постоянно оказываешься в эпицентре абсурдных обстоятельств?

“Положа руку на сердце, Рори, тебе всё равно ничего не сделают, — сказала я себе очень ясно. — Они на тебя злы, но ты не из клана, ты не часть соглашения. Ты зурадонкой по приёмам родителям считаешься больше, чем чистокровной нефилимкой. Они могут тебя отчитать, но они не могут тебя удержать. И ты это знаешь. И они это знают. Так что — спина прямая, голова поднята, и пусть он подавится своей Искоркой”.

— Прошу прощения за опоздание, — обратился он к Совету. — Я задержался, мне попалось... — короткая пауза, точная, как удар, — недоразумение.

— Мы заметили, — Корвен не сводил с незнакомца внимательного взгляда.

— Оно ваше?

— Формально — ничьё, — Вера чуть прищурилась. — Это и есть проблема.

— Я здесь. На случай, если кто-то забыл. Недоразумение стоит прямо в центре вашего наимудрейшего круга и слышит каждое слово, которое о нём говорят в третьем лице.

Восемь пар глаз уставились на меня одновременно. Девятый даже не повернул головы.

“Ну хорошо, — подумала я. — Поиграем, господин предводитель”.

— Что она слышала? — спросил Атаур у всё ещё незнакомца.

— Всё, — вздохнул он, по-прежнему не глядя на меня. — Решётка проводит звук, как труба. Если она не глухая — а она, к сожалению, не глухая, — то слышала всё с самого начала.

— Замечательно, — прошипела сквозь зубы Вера и потёрла переносицу. — Просто замечательно.

— И что вы теперь со мной собираетесь делать? — поинтересовалась я.

В зале на мгновение стало тихо.

— Что-что? — недоумевая, переспросил Лорен. Он был нефилимом из Эльтár. Сухой, длинный, с лицом, на котором интересно жилось разве что бровям.

— Я серьёзно. Давайте признаем: я не нарушила ни одного из ваших писанных законов — я в курсе, я их читала. Я прошла через крышу, что неприлично, конечно же, но не запрещено. И услышала разговор, который вы не потрудились запечатать, что обидно, но не моя проблема. Ну, допустим, услышала я что-то, чего не должна была. Но у вас, по всей видимости, куда больше проблем, чем мой совершенно случайный и безобидный визит.

Тишина.

— Например, — продолжила я, потому что меня уже несло, а в такие моменты я обычно не умею останавливаться, — у вас явные проблемы с печатью и, что не менее ужасающе, отсутствует коммуникация с нейли. У вас на руках катастрофа! И посреди всего этого вы будете тратить целую фазу на то, чтобы решать, что делать с одной девчонкой-изгоем, которая случайно услышала то, что у вас и без неё уже знает половина библиотеки?

Я перевела дыхание.

— Так что, — сказала я уже тише, — давайте сэкономим друг другу время. Я выйду, никому ничего не скажу. Мне самой не нужны эти разговоры. У меня и так лимит на “Опять Аврора” в этом поселении исчерпан до конца моей жизни. Вы вернётесь к своим проблемам. Я к своим. Все довольны.

Я улыбнулась, очень вежливо.

Старый Атаур закрыл лицо ладонью.

— Святые рощи, — тихо прошептала Маэна.

Вера медленно повернула голову к девятому креслу с таким лицом, как будто хотела сказать: *“И вот это ты притащил в наш зал?”*

А он... он впервые за всю фазу повернул голову прямо ко мне. И в серебристых глазах я увидела то, чего там до этого не было.

Веселье. Крайне замаскированное и спрятанное веселье.

— А ты, — протянул он, склонив голову набок, — та ещё искорка, да?

От того, что он наконец повернулся ко мне, и это спрятанное веселье в серых глазах теперь предназначалось мне одной, у меня почему-то сбилось дыхание. Я тут же разозлилась на себя за это. Нашла время.

— Я предупреждала, что это плохое прозвище, — отозвалась я, скрестив руки на груди.

— Я начинаю думать, что оно весьма удачное, — уголок его рта расплзся в лукавой улыбке.

— Ты себе льстишь. Прозвища обычно отражают того, кто их придумал, а не того, кому их дали.

Лорен издал звук, который, при большом желании, можно было принять за смех. Вера посмотрела на Лорена так, что я мысленно похоронила его и поставила свечу.

— Дитя, — сказал старый Атаур очень спокойно, — помолчи.

— Атаур, при всём уважении, — ответила я, не оборачиваясь, потому что тот в девятом кресле сейчас смотрел на меня, а отвести от него взгляд было бы равнозначно слабости, — ваше “помолчи” закончилось примерно в тот момент, когда вы сказали моей матери, что из меня ничего не выйдет. С тех пор у меня очень своеобразные отношения с этим словом.

В зале наступила такая тишина, что я услышала, как у Маэны под лозой кресла поскрипывает дерево.

Старый Атаур впервые за все мои двенадцать визитов не нашёлся, что сказать.

— Святые рощи, — повторила Маэна тише, явно сгорая от стыда.

— Ты бы прислушалась к старшим, — неожиданно раздалось из девятого кресла.

Я думала, что моё тело взорвётся от злости.

— А кто ты такой, чтобы указывать мне? При всём уважении к вашему креслу — а у меня к нему ровно столько уважения, сколько оно само себе выписало, — в нашем Совете у этого места голоса нет. Я живу здесь всю свою жизнь. Ты вошёл треть оборота⁹ назад и уже знаешь обо мне больше, чем я о тебе. Это не власть, господин предводитель. Это плохие манеры.

В зале послышалось восемь тяжёлых вздохов, сделанных одновременно.

А тот, в девятом кресле, очень медленно откинулся назад, сложил руки и посмотрел на меня уже всерьёз, без веселья. С чем-то другим, чему я не знала названия и с радостью не спешила бы узнавать вовсе.

Он смотрел на меня довольно проницательно и спокойно, что крайне сбивало с толку. А потом вкрадчиво произнёс, отчего у меня по позвоночнику прошёл холодок:

— Подойди.

— Что?

— Подойди. На два шага, — его тон не допускал возражений. Приказной, и никак иначе.

“Не подходи, — очень ясно сказал мне кто-то внутри. — Аврора, не подходи, это ловушка. Не словесная, но определенно какая-то западня. Стой, где стоишь”.

Я сделала два шага вперёд. Потому что особого выбора сейчас у меня не было.

Между нами оставалось расстояние в три ладони. Вблизи и при свете зала его черты лица стали гораздо чётче, отчего у меня перехватило дыхание.

Лицо длинное, точёное, будто вырезанное клинком, не знающим жалости. Высокие скулы ловили свет факелов, и от них по впадинам щёк сбегала тень, делая лицо ещё резче. Тяжёлая, угловатая челюсть, упрямый подбородок, тёмная щетина, лишь подчёркивающая эту жёсткость линий, — всё в нём дышало отточенной и сдержанной силой. Тёмные брови сходились над переносицей. Глаза смотрели прямо, не мигая, и под этим взглядом мне одновременно хотелось и отступить, и замереть, не двигаться вовсе.

Я смотрела на него и не могла отвести глаз.

Отсюда я могла видеть отдельные сгилы у него на висках. Как один из них, тот, что слева, пульсирует чуть быстрее остальных. Мне удалось разглядеть, что у него на самом деле не просто светло-серые глаза: по самому краю радужки шла серебряная нить, которая тоже слабо пульсировала.

И мне очень не нравилось, что я уделяла этому столько внимания.

Он не пошевелился.

⁹ Треть оборота — около трети суток — мера короткого срока. Доли оборота — живая, разговорная мера: ими меряют, сколько кто-то пробыл, проспал, прождал.

Лишь слегка наклонил голову, буквально на полпальца и сказал очень тихо, так, чтобы Совет в круге не слышал:

— Замолчи. Или мы с тобой застрянем здесь до нового оборота звезды. И я-то это переживу...

— А я, по-твоему, нет? — так же тихо отозвалась я, не отводя взгляда. — Ты меня совсем не знаешь, предводитель. Я могу препираться с тобой хоть до самого забвения. У меня к этому талант.

— Я заметил. — Уголок его рта дрогнул, и голос упал ещё ниже, так, что его слышала только я. — Обычно те, кто стоит так близко ко мне и смотрит *вот так*, преследуют совсем другие цели, чем спор.

Жар бросился мне в лицо прежде, чем я успела совладать с собой.

— Не льсти себе, — выдохнула я. — Я смотрю так на всех, кто меня раздражает.

— Значит, я тебя раздражаю, — он чуть ближе склонился, и я почувствовала идущее от него тепло. — Хорошо. Раздражение — это уже что-то.

— Продолжай в том же духе, и я перейду от раздражения прямо к ненависти.

— Не перейдёшь. — Он смотрел на меня, и в серых глазах плясало спрятанное веселье. — Для ненависти ты слишком часто отвлекаешься на мои сигилы. Ты разглядываешь меня, Искорка. Уже которую меру дыхания.

Святая Итира¹⁰! Одно предложение этого наглеца, а я уже не могу ровно стоять на ногах!

Он тоже смотрел на меня так, будто я единственная, кто выбешивал его настолько сильно, что он не мог совладать со своим выражением лица. Поединок взглядов продолжался ещё пару мгновений.

— Достаточно, — Атаур поднялся со своего кресла, тяжело опираясь на резной посох. — Дитя, послушай меня очень внимательно, — его голос впервые на моей памяти звучал так устало. — Имей уважение, перед тобой не “кто-то”, а предводитель клана Кондár. Держи язык за зубами. Хотя бы один раз в своей короткой и шумной жизни. Слышишь меня?

Я медленно повернула голову к Атауру, потеряв дар речи. Не потому, что я испугалась, хотя и это тоже, конечно. А потому, что Атаур, сказавший когда-то матери о моей непригодности, сейчас говорил со мной так, будто боялся меня потерять. И это не сходилось ни с чем, что я о нём знала.

Я едва заметно кивнула.

Атаур повернулся к девятому креслу.

— Максимилиан, — сказал он, а я наконец услышала, как зовут незнакомца, и имя мне понравилось, чтоб его в хаос! — Девочка под опекой моего рода. Её приёмная мать — дальняя кровь по зурадонской линии. Я отвечаю за её молчание.

“Под опекой твоего рода? — мысленно повторила я. — Атаур... когда это я была под опекой твоего рода?”

Но за долю мгновения я поняла.

Прямо сейчас, при всех, старый Атаур — тот, что списал меня со счетов в восемь циклов, — врал предводителю Кондár, чтобы вывести меня из этого зала с целой шкурой.

“Неожиданно, — подумала я. — Как бы нейли не нагрянули в честь такого события”.

— Достаточно, — он выдержал паузу, глядя то на Атаура, то на меня. — Слов Атаура мне достаточно. Ты свободна.

— Уведи её, — добавила Вера, демонстративно закатывая глаза.

¹⁰ Итира — первородный транслятор Элиона, Древo Искры, из которого берёт начало всякая жизнь. Она воплощает закон естественного роста, связывая Элион, время и каждое живое существо вместе. Всё, что развивается естественно, находится в согласии с Итирой.

Атаур повернулся ко мне.

— Иди, пока никто не передумал, — он действительно качнул головой в сторону двери.

Я открыла рот и так же благополучно его закрыла.

К выходу я подошла спокойно, с ровной спиной. Я знала, что Максимилиан смотрит мне вслед, и поэтому я двигалась так, как будто во всём малом зале нет никого, кто заслуживал бы моего внимания.

Я уже взялась за резную ручку двери, когда он меня окликнул:

— Искорка!

Я обернулась. Он смотрел на меня поверх сомкнутых перед лицом рук.

— Мы с тобой ещё не закончили...

Это было обещание, которое слышал весь Совет и от которого у меня по спине пробежал холодок.

Решив ничего не отвечать, я вышла из зала. Как только я свернула за угол, у меня подкосились колени. Я опустилась на корточки у тёплой плетёной стены и зажала рот ладонью, потому что иначе из меня вырвалось бы что-то некрасивое: то ли смех, то ли вой, то ли то и другое одновременно.

“Двенадцатый, — подумала я. — Двенадцатый раз. И впервые я вышла оттуда целой и своими ногами. Аврора, ты гений. Ты только что противостояла предводителю Кондър. И тебе за это ничего не было. Лучший оборот звезды в моей жизни!”

Колени держали меня с трудом, но я всё равно свернула в боковой коридор, из которого пришла, а не к парадному выходу, к которому меня настойчиво вёл взгляд Атаура. Я поднялась по узкой лестнице на ту самую крышу, по которой пробралась в Дом Совета.

Если меня станут искать — а они станут, я знала их слишком хорошо, — я хотела, чтобы они нашли пустой коридор, открытое окно и ничего больше. Никакой Авроры, которая послушно ушла через парадную дверь. Никакой Авроры, которая дала себя проводить. Никакой Авроры, спасённой старым Атауром на глазах у всех.

Если они хотят запомнить эту тёмную фазу¹¹, пусть запоминают её правильно. В моём уникальном стиле!

Я вышла на крышу. Спутник Нолво над Эли'Нáрией стоял высоко. Плетёные крыши поселения мягко светились в его сиянии. Где-то внизу, на площади, всё ещё горели редкие огни. Жители готовились ко сну.

Я перешагнула через конёк и спрыгнула на ветку дерева-носителя. Илани ждала меня у живой ограды.

Она посмотрела на моё лицо и резко кашлянула в кулак:

— О нет.

— Что “о нет”?

— У тебя такое лицо, какое бывает у того, кто только что встретил большую неприятность... а может, и “приятность”, — добавила она в лукавой улыбке.

— Илани, — вкрадчиво сказала я. — Заткнись.

— Я и молчу.

— Молчи громче.

Она взяла меня под руку. Мы пошли по узкой улочке между плетёных стен к моему дому. Нолво светил нам в спину.

— Хей, рыжик, — Илани мельком взглянула на меня.

— Что?

— Это было очень глупо.

— Знаю, — я пожала плечами.

¹¹ Тёмная фаза — ночь. Время сна и тишины.

— Это, наверное, самая глупая вещь, которую ты сделала с прошлого цикла.

— Нет, — ответила я, прикрывая глаза. — Самую глупую вещь я сделала несколько мгновений назад.

— Какую?

Я замолчала ненадолго, осмыслив всё, что наворотила.

— Спросила у предводителя Кондár: “кто он вообще такой, чтобы мне указывать”.

Илани остановилась.

И стояла так очень долго, пока её не прорвало на смех.

Модули наших родителей стояли на самой окраине Эли'Нáрии, там, где плетёные крыши поселения растворяются в роще, а та, в свою очередь, постепенно превращается в Закатный лес. С холма к нашему дому шла одна-единственная тропинка: узкая, петляющая, по которой за небольшой промежуток времени успеваешь поговорить со всем садом разом.

Мать всегда говорила, что мы живём “между”. Между поселением и лесом, между шумом и тишиной. Между тем, что выращивают, и тем, что растёт само. Я выросла с этим словом и не понимала его, пока однажды в семь циклов не подошла к границе нашего сада. Тогда я положила ладонь на ствол первого дерева Закатного леса и почувствовала, как от него идёт ровный, низкий гул, которого с нашей стороны ограды не слышно. С тех пор я понимала.

Хоть я и изгой, но раз в несколько циклов совет присылал нефилима-учителя, чтобы обучить меня природному дару. Дольше всех со мной задержался Гелион — нефилим Кондár, воин высокого ранга. Признаться честно, я всегда гадала, почему он так добр и на кой хаос вообще со мной возится, если другие отказывались. Он относился ко мне не как к поломанной девочке, а как к равному себе нефилиму. Его исчезновение стало для меня истинным потрясением, ибо он был единственным другом и наставником, считавшим, что у меня всё же есть потенциал. Я скучала, но давно оставила попытки разыскать его.

Илани шла рядом в тишине. Это меня насторожило. Она — и вдруг молчит? Илани была моим лучиком света, у которого всегда и на всё находилось своё личное и громогласное мнение. Хоть у меня и нет сестры, да и в целом никого, кроме приёмных родителей, мы с ней вместе с тех пор, как обе помним себя.

Илани наизусть выучила имена всех моих парней. Их было не так уж и много, но достаточно, чтобы у неё сложилась отдельная картотека и собственное мнение по каждому пункту. Я не искала обязательств в отношениях. Стоило парню проявить чуть больше чувств, — я тут же убегала, сверкая пятками.

После третьего парня она сказала мне: “Рори, где-то очень глубоко что-то в тебе поломано. Я тебя люблю, но явно что-то не так”.

Я не спорила — сама подозревала нечто подобное. Или же я просто никогда не влюблялась по-настоящему.

— Эй, Илани, ты слишком тихая. Эта тишина пугает даже меня.

— Я думаю. — Её взгляд был устремлён к небу.

— О чём?

— Была бы наша жизнь другой, если бы мы родились в другом мире?

Меня тоже до глубины искры¹² волновал этот вопрос.

— Меня вполне устраивает, что я родилась на Эурадоне, ведь быть эсдери¹³ — моё призвание!

¹² Искра — живое отражение Элиона внутри каждого существа. Источник его силы и воли. С Искрой рождается каждый, но культивировать и взрастить её способны немногие.

¹³ Эсдери — древняя целительская и исследовательская традиция эурадонцев: знание о растительной жизни, природных элементах и исцеляющих свойствах мира. Ремесло без сверхъестественных даров. Аврора — эсдери.

Илани резко остановилась, захохотав во весь голос.

— Ой, мне-то хоть не заливай, — она перевела дух, с трудом изобразив подобие серьёзного лица. — Мы обе прекрасно знаем, что ты была рождена не для этого, а всякая попытка отрицать очевидное лишь мешает тебе видеть суть.

На этот раз уже я развернулась к ней.

— И что же, по-твоему, есть это “очевидное”?

Илани мягко взяла меня за плечи, зыркнула своими роскошными карими глазами и улыбнулась до ушей.

— Что ты — нефилим, рыжик. Хоть и всячески пытаешься спрятать эту часть себя за элионами замков. — Подобные слова перестали бить меня в грудь. Я натренировала себя не реагировать на эту часть своей жизни.

— Сама говорила, что я свободная. А значит, вольна сама выбирать свою судьбу. Так?

— Так! Так! — она вскинула руки, якобы сдаваясь. Помолчала, разглядывая меня так, будто видела что-то, чего не видела я сама. — Знаешь, рыжик... однажды тебе придётся выбирать по-настоящему. Не между весельем и опасностью. А между тем, кто ты есть, и тем, кем тебя хотят сделать. Вот тогда и посмотрим, чего ты стоишь.

Я хотела отшутиться... что-нибудь лёгкое, привычное, чтобы сбить этот странный, не идущий ей тон. Но слова застряли где-то в горле.

— А если я не знаю, кто я есть? — вырвалось вместо этого.

Её взгляд сменился великим пониманием, веселье испарилось.

— Тогда самое время выяснить, — она пожала плечами, но взгляд не отвела. — Только не тани до тех пор, пока выбор сделают за тебя. Поверь, рыжик, чужие руки никогда не выбирают то, что хорошо для тебя.

— Надо же. И когда это ты успела заделаться философом?

— С тех пор, как подружилась с тобой. Дурной пример заразителен.

Ещё некоторое время мы стояли молча. Где-то вдалеке гудел колокол, отбивая стражу тёмной фазы, и этот звук вдруг показался мне слишком громким.

А потом Илани моргнула, и всё вернулось на свои места. Привычная, вечно сияющая нахалка, будто и не было только что всех этих слов.

— Ну всё, хватит мудрить! — Она хлопнула меня по спине с такой силой, что я едва не споткнулась. — От наших философских разговоров у меня живот подвело. Идём, или я начну грызть твою косу.

Я фыркнула и пошла следом. Но её слова засели где-то под рёбрами, рядом с искрой, и тихо тлели там весь остаток оборота.

“Между тем, кто я есть, и тем, кем меня хотят сделать”.

Знать бы ещё, что из этого правда.

— Зайдёшь со мной? — спросила я, останавливаясь у нашей лужайки.

— Во имя первой искры, ну конечно! У вас тёплая лепёшка, а у меня дома наверняка сушёная рыба. Я не оставлю тебя одну в такую серьёзную фазу.

— Какая ты благородная!

— Я голодная, — поправила она. — Это разные вещи.

Снаружи наш модуль выглядел уютным. Его тёплые, песочно-золотистые стены плавно изгибались, избегая острых углов: купол перетекал в другой, тот переходил в свод над верандой, а свод спускался к каменной площадке перед домом. Здесь, у открытого очага в кольце гладких речных камней, было излюбленное место отца — он часто провожал закаты с чашкой травяного чая. Окна были причудливыми и абсолютно разными: круглыми, овальными и выгнутыми.

Крышу укрывал плотный ковёр мха, поверх которого мать бережно высадила алваис и горный дрейн, и в сезон их цветения наш дом был виден с площади как тёмно-фиолетовое пятно на зелёном холме.

Сад у нас был сумасшедший.

Я говорю это с любовью, ибо выросла в нём и до сих пор не знаю наверняка, где он заканчивается. Мать выращивала серебряный варан — низкий стелющийся кустарник с листьями, серебриющимися на изнанке; из него она варила всё, что снимало жар. Лунный иссан, тонкий, с белёсыми соцветиями, которые открывались только тёмной фазой — основа для всех её снотворных. Мясистый корень терры с горьковатым запахом: в детстве он вечно вызывал у меня слёзы, потому что мама заваривала его мне каждый раз, когда я расцарапывала колено (а происходило это примерно через каждый оборот). У боковой двери стоял низкий длинный стол, на котором мама раскладывала сушиться пучки трав. Рядом, точно стража, выстроился ряд глиняных ступ и толчанок, чёрных от вековой работы.

Мы — эсдери, это одно из самых уважаемых ремёсел на Эурадоне.

Эсдери изучают путь природы: свойства растений, вибрацию камней, рост кристаллов и работу элементов. Те, кто варит эликсиры и снадобья, кто знает, чем сбить сильный жар, поднять упавшего и выходить рану, глядя на которую нефилимский лекарь только в растерянности разведёт руками. Эсдери знают флору и фауну — и ту, которую нейли перенесли сюда тысячу циклов назад, и ту, что занесло к нам из других миров. Эсдери ведут свои собственные хроники и передают их из поколения в поколение.

Моя мать — эсдери-целительская. Она лечит людей, животных и растения. Её репутация расходится на три поселения вокруг: если ребёнок не поправляется, к матери приходят на четвёртый оборот звезды. Если её отвар не помог — значит, ничто уже не поможет. Мать первая скажет вам это, потому что в эсдерийской работе важнее всего честность.

Отец — эсдери-каменная. Он работает с камнями и кристаллами. Кропотливо делает минеральные срезы, бережно шлифует их и классифицирует каждого своего “подопечного”. Его мастерская занимала почти треть нашего дома, а по углам у него были расставлены тяжёлые, низкие сундуки. Они были обиты тёмным деревом, с бронзовыми петлями, которые отец ковал сам, потому что: “Никому в этом поселении нельзя доверять петли”, — как он выражался. В сундуках жили его кристаллы. У отца на каждый вид был свой ящик, своя бирка, своя страничка в потрёпанной хронике, которую он вёл, сколько я себя помню.

Они растили меня в этом ремесле с самого детства. К семи циклам я сама могла заварить простой отвар от кашля. В двенадцать циклов лечила мелких животных, которые забредали в наш сад, как будто знали, куда идут. В четырнадцать мать впервые посадила меня рядом с собой у постели больного ребёнка и сказала: “Смотри, но не помогай. Просто смотри”. Я внимательно смотрела, а после мы подробно разбирали, что она сделала, в каком порядке и почему.

Это было лучшее детство.

Я бы хотела родиться от них. Но я не была их родным ребёнком. Мама никогда этого не скрывала: рассказала мне, как только я достаточно повзрослела, чтобы понять. Подробностей я не знала и никогда не допытывала, но в глубине искры хотела отыскать правду.

Я уже давно и невероятно сильно мечтаю о двух вещах. И обе они целиком и полностью, абсолютно, фатально безнадежны.

Первая — разгадать загадку своего происхождения, какой бы она ни была.

Вторая — странствовать. Просто покинуть Эурадон или хотя бы Эли'Нарию — мне хотелось отправиться куда угодно. Я знаю, что это невозможно, и мы заперты. Понимаю это умом, но всё равно где-то под рёбрами у меня сидит очень упрямая и тихая уверенность, что мне удастся. Жаль, что способа переместиться в другой мир у меня нет.

Мы с Илани свернули с главной тропы на нашу. Спутник Нолво стоял высоко, и плетёные крыши Эли'Нáрии за нашими спинами светились мягко, как угасающие угли. Сад встречал нас знакомым гулом: сверчки, шелест листьев над аркой, плеск воды у любимого отцом пруда.

Боковая дверь была приоткрыта. Мама всегда оставляла её незапертой, если я не возвращалась к закату. Внутри было тепло, тихо и пахло мятным серебряным вараном. Значит, мать сегодня варила что-то от простуды. Скорее всего, для маленькой Эниры из соседнего ряда, которая практически весь прошлый цикл кашляла.

Через центр модуля прорастал ствол настоящего дерева-сердца. Крона оставалась снаружи, над модулем, а корни под фундаментом, в земле. Дерево росло вместе с домом, а дом рос вокруг дерева, и в этом был весь принцип зурадонской архитектуры: ничто не строится против живого. Строится только вокруг.

В центре комнаты, прямо под куполом, в полу была чаша. Большая, круглая, утопленная вниз на четыре ступени, обложенная по краям тёплым деревом и низкими подушками. В самой нижней точке чаши располагался круглый каменный очаг с ровным оранжевым пламенем. Над очагом в куполе был круглый световой колодец. В светлую фазу¹⁴ через него падал столб света, а в тёмную — спутник Нолво.

Справа, у выгнутого панорамного стекла, был наш внутренний пруд. Отец выкопал его двенадцать циклов назад, потому что в модуле, по его словам, должна жить вода, иначе дом не ощущается родным.

Мать сидела в чаше, на средней ступеньке у самого очага, и медленно перетирала что-то в каменной плочке. Светлые волосы были собраны в свободный узел на затылке, несколько прядей выпали и качались у щеки. На ней было простое домашнее платье цвета сухой травы, рукава засучены до локтей. На запястье она носила браслет из перевитой коры, который подарила самой себе двадцать четыре цикла назад — в тот оборот звезды, когда меня принесли.

Отец сидел напротив, ниже, у самого очага, и разбирал кристаллы. Отец у меня высокий и худой, с седой бородой и полуседыми, аккуратно подстриженными волосами цвета сумеречной коры.

Они подняли головы одновременно.

— Аврора, — сказала мать, не выпуская плочки. — Только не говори, что ты снова влезла в неприятности.

Первое пламя! Как у этой женщины всегда получается узнавать с порога, что у меня что-то стряслось?

Я слезла в чашу, села на ступеньку напротив матери. Илани утащила со стола сразу две лепёшки и устроилась наверху с таким видом, словно собирается смотреть представление.

— Ну хорошо. Меня поймали в Доме Совета.

Отец медленно положил кристалл на стол.

— Опять?

— Опять.

— На крыше?

— В вентиляции.

— Прогресс. — Я чуть не прыснула от комментария отца, но вовремя сдержалась, поймав предостерегающий взгляд матери.

— Я тоже так считаю, папа.

— Могу! — воскликнула мать, не оборачиваясь. — Не поощряй её.

Илани кашлянула в кулак.

— Эйра, ребёнок развивается. С крыши в вентиляцию — это техническое усложнение. В прошлый раз её сняли с карниза.

¹⁴ Светлая фаза — день. Время, когда над миром стоит свет: когда города и поселения живут полной жизнью.

Отец замолчал под строгим взглядом матери. Но я успела увидеть ту самую вспышку одобрения в его глазах, которую он прятал от неё всю жизнь, и у него всегда это очень плохо получалось.

— Кто поймал? — спросила мать.

— Старейшины.

— Все?

— Все восемь. И ещё немного.

— Что значит: “и ещё немного”?

Ага, конечно... я не удостою и доли внимания это “девятое кресло”.

— Это значит, что я приду к этой части вопроса немного позже, если можно.

— Тебя наказали?

— Нет. Меня... отпустили. Я пришла домой целая. Видишь? — Я подняла обе руки, повертела ими. — Всё на месте, даже мои причудливые волосы.

— А язык?

— Язык, — сказала я честно, — поработал больше обычного.

Илани наверху подавилась лепёшкой.

— Святые рощи... — пробормотала мать.

Отец отвернулся к своим кристаллам, но я видела, что плечи у него вздрагивают. Он у меня тоже бунтарь. Просто, в отличие от меня, осторожный.

— Хорошо. — Мать хлопнула в ладони, будто подводя черту под этим разговором. — Я не буду спрашивать подробностей. Если тебя отпустили, значит, Совету показалось это разумнее, чем держать тебя там. Я не буду оспаривать их решение. — Она посмотрела на меня в упор. — Илани, — тихо продолжила мать.

— Да, Эйра.

— Останешься спать у нас?

— А мне полагается за это ещё лепёшек?

Мать наконец улыбнулась: очень устало и очень нежно, кивнув ей в ответ.

Я пошла в свою комнату. Илани последовала за мной, держа по лепёшке в каждой руке. Подруга плюхнулась на длинный мягкий матрас у дальней стены. Она оставалась у нас так часто, что для неё был обустроен свой уголок.

Моя комната была в дальнем конце дома, под малым куполом из плетёных ветвей, и наполовину выходила в сад. Купол был меньше общего, но устроен по тому же принципу: песочно-золотистые стены и мягкие тёплые линии.

Над кроватью был навес из тонкой светлой ткани: мать сшила полог, когда мне было одиннадцать циклов, — тогда я перестала бояться темноты и начала бояться того, что приходило ей на смену: кошмаров.

Сквозь угол комнаты прорастала тонкая ветка древа-сердца — мать просила её не убирать, когда строили купол. На ветке, как капли, висели маленькие хрустальные подвески — отец сделал их, чтобы они ловили свет с колодца и раскидывали его по стенам.

Я разделась, не зажигая ламп.

В эту тёмную фазу я долго ворочалась и не могла уснуть — считала. Перебирала в памяти, сколько раз он назвал меня *Искоркой*. Получалось пять. Я считала, сколько раз я могла удержаться и не ответить ему. Вышло предположительно четыре раза. Я запомнила, что у него было шесть крупных меток — из тех, что получилось разглядеть.

Я считала, сколько у меня было циклов и сколько у него — не знала наверняка, но точно не больше двадцати восьми. От моей комнаты до боковой двери — двенадцать шагов. От боковой двери до калитки — восемнадцать. От калитки до тропинки — три. От тропинки до края Закатного леса, в который меня никогда не пускали и который начинался ровно за нашим садом, — двадцать четыре.

Я считала, потому что иначе я бы думала о его глазах. А это совершенно недопустимо. Я делала так всякий раз, когда нервничала или боялась, и этот раз не был исключением. — Илани.

— Что? — спросонья проямлила она.

— Если бы я тебе сейчас сказала, что мне нужно очень рано проснуться и сходить кое-куда совсем недалеко до восхода звезды, ты бы прикрыла меня перед мамой?

— Нет.

— Илани, — выдавила я жалостливым тоном. — Почему?

— Потому что я тебя слишком хорошо знаю. И “совсем недалеко” в твоём произношении означает “через половину Закатного леса до того места, где начинаются земли нефилимов”.

Я промолчала.

Илани вздохнула.

— Во сколько?

— На рассвете звезды, — я расплылась в тёплой улыбке.

— Я тебя ненавижу.

В ответ вырвался мимолётный смешок.

— И этот, как его, — добавила она задумчиво, — последний, который тебе нравился перед всем этим. Кай, кажется? Он, конечно, тоже был ничего, но я подозреваю, что после сегодняшней тёмной фазы Кай у меня в картотеке закрывается.

— Да чтоб тебя в хаос, Илани!

Она тихо засмеялась в подушку.

Мы заснули.

Над нами, через малый световой колодец, Нолво смотрел ровным серебряным глазом. По хрустальным каплям на ветке древа-сердца пробегали завораживающие блики. Сад дышал.

И где-то далеко, на другом конце поселения, в каменно-кристальной крепости Астрион, Максимилиан стоял у окна и смотрел в сторону нашего холма. Я этого, конечно, не знала. Но сигилы у меня на запястье: тонкие, серебристые, обычно спящие, потому что я редко пользуюсь силой, — в эту тёмную фазу не погасли до самого рассвета.

Они слабо мерцали, как будто кто-то на другом конце поселения тоже не мог заснуть.

Глава 2

Первыми глаза открыли Древние — девять существ, рождённых прямо из Первого Пламени. Они прочли мироздание, как читают уже написанную книгу, и научили чтению тех, кто пришёл после. Каждое слово всех наших языков — осколок их речи.

— Крононианские хроники. Свиток первый: "О Девяти"

Я проснулась раньше Илани.

Это случалось примерно раз в цикл и обычно означало одно из двух: либо мне приснилось что-то очень нехорошее, либо я задумала что-то очень глупое. Сегодня второе, и я это понимала ещё до того, как открыла глаза.

Нолво уже скрылся. В малый световой колодец надо мной лился ранний серый свет, который бывает только за полфазы до того, как звезда поднимется над грядой. По хрустальным каплям на ветке древа-сердца ещё ползли последние отражения тёмной фазы.

В саду, где-то у пруда, тихо ворчала отцовская Сольвар — мелкий белошёрстый зверёк с большими ушами. Она обитала под нашей верандой, и отец упорно называл её “гостьей”. Хотя гостя эта жила у нас, сколько я себя помню, и явно собиралась пережить всех нас.

Илани спала, свернувшись на своём матрасе калачиком. Одна её нога свисала с края, кудри разметались по подушке. Спала она шумно, то ли мурлыкала, то ли постанывала во сне: у Илани всегда какие-то очень насыщенные сновидения. Я смотрела на неё и думала, что на моём месте у нормального существа дрогнула бы совесть. У меня, видимо, что-то не так с этим органом.

Я тихо опустила ноги на пол. Половицы в моей комнате знали меня наизусть и молчали под моими стопами. Прошла к низкому сундуку у стены, медленно открыла крышку, придерживая петлю пальцем, и достала из сундука своё любимое платье: лёгкое, полупрозрачное, сотканное из множества дымчато-песочных и серо-земленистых слоёв ткани, мягко струящихся вдоль тела. Сквозь тонкий материал тянулись серебристые нити, проходящие вдоль всего платья, подобно светящимся венам. Издалека казалось, будто внутри него циркулирует живая энергия. Я люблю это платье за ощущение свободы, словно оно было частью самой природы, а не просто одеждой.

Затем я схватила свои сандалии, которые когда-то смастерил для меня отец. Тонкие серебристые линии мягко обвивали ноги почти до колен, переплетаясь между собой, как корни деревьев или лунные потоки. Между изгибами поблёскивали маленькие кристаллы, а лёгкая подошва делала шаги почти невесомыми, будто я едва касалась земли.

Я одевалась медленно, шаг за шагом, всё ещё прислушиваясь к дыханию Илани. Она вздохнула во сне, перевернулась к стене и затихла.

Внутри искры разлилось тепло.

Низкий столик у окна — старый, из светлого дерева, — отец принёс с какой-то ярмарки, циклов двенадцать назад, и сказал: “Девочке нужно своё место, чтобы смотреть в зеркало и разговаривать с собой”. Я тогда не поняла. Сейчас понимаю. Сiju и разговариваю.

Зеркало было маленьким, в раме из переплетённой лозы. По верхнему краю мать вплела сухие веточки лунного иссана. Считается, что иссан в зеркале успокаивает того, кто в него смотрит. Не знаю, успокаивает ли.

Я взялась за гребень, и он, конечно же, сразу застрял. Выдохнула в потолок и начала разбирать прядь пальцами. Волосы у меня имеют собственное мнение по любому поводу, и сегодня они в очередной раз решили, что расчёсываться — занятие для тех, у кого нет самоуважения.

Я посмотрела в зеркало и закатила глаза.

Понять, что я нефилим, несложно. Как и у многих из моего народа, мне выпала доля быть беловолосой — это отличительная черта нейли, чистая кровь Дома Света. И у тех, кто унаследовал её сильнее, волосы серебрятся с самого рождения. У Альяр, говорят, все до единого белоголовые. У Эльтár, наоборот, чернее самой тёмной, беззвёздной фазы. У Кондár — каштановые, русые, коричневые. А Вивьяр золотисто-светлые. Хотя всё давно смешалось, и можно встретить кого угодно с каким угодно отливом. Силу и цвет волос мы наследуем от одного из родителей.

В общем, белые волосы на Эурадоне — это так, чудинка, кивнут и пройдут мимо. Но Великое Плетение¹⁵ в своей бесконечной любви ко мне решило, что одного отклонения мало. И добавило симметрично с двух сторон рыжие пряди. Будто кто-то специально провёл огненными кистями по белому полотну... Они так растут с младенчества... Я провела пальцем по одной из них, оттянула в сторону и отпустила. Рыжая прядь упрямо легла туда же, где была. Они вообще у меня строптивые — такие же, как и я.

“Это твой огонь. Не прячь его, моя огненная птичка-странница”.

Спасибо, мама. Не знаю, почему она дала мне такое прозвище, но называла меня так очень часто, я и привыкла.

Серебристо-серые глаза в отражении смотрели в ответ. Вокруг радужки мигнула короткая вспышка золота, которая случается, когда я слишком долго смотрю в собственное отражение. Или слишком долго думаю.

— Без фокусов, — сказала я зеркалу.

Золото мигнуло ещё раз, чисто из вредности.

Я разделила волосы на три части и начала плести по бокам, чтобы белое и рыжее переплелись в одну живую косу. Илани, когда впервые увидела, как я заплетаюсь, потребовала называть меня рыжиком. Я возразила, что я, вообще-то, преимущественно белая. Но подруга сказала, что белого много, а рыжий — редкий, поэтому считается. Логика ребёнка, против которой нет приёмов.

Я закрепила косу, выпустила пару прядей у лица: одну рыжую, одну белую — так все сразу видят, что это я. Других таких нет — удобно для тех, кто хочет показать пальцем.

Я сама не своя после собрания Совета. Хоть вылазка и увенчалась успехом, внутри меня покалывала незнакомая пульсация. Я списывала её на волнение или же на короткое воспоминание о “девятом кресле”.

Так его и буду звать теперь. Девятое кресло. Хорошее, безличное название, подходящее для того, чтобы можно было о нём думать и при этом делать вид, что не думаю.

Из зеркала на меня смотрела девушка, которая на вид была собрана, сносно одета и готова к любому повороту судьбы. Но в это время у меня под рёбрами что-то медленно ходило кругами, как зверь, которому тесно в загоне.

Я положила ладонь на грудь. Сердце билось слишком ровно для того, что я чувствовала.

И тут меня пробрала волна дрожи по всему телу. Ощущение, которое бывает, когда выходишь из тёплой воды на холодный ветер. Я схватилась за край столика обеими руками. В собственном отражении я увидела, как на запястье загорелся сигил. На руках у меня, как обычно, находились обмотки из высушенных волокон и нитей древесной коры. Я потянула природный браслет чуть выше и заметила всё тот же тонкий серебристый узор, который обычно был еле заметным. Сейчас он светился ровным светом, будто кто-то поднёс с обратной стороны кожи маленькую звезду.

— Ну прекрасно, — прошептала я.

¹⁵ Великое Плетение Бытия — бесконечное полотно, сотканное из линий силы, времени и сознания. Эти линии проходят сквозь миры и связывают судьбы существ, движение эпох и рождение цивилизаций. Каждое действие — вплетённая нить.

Я попробовала сжимать и разжимать кулаки, но свет сигила оставался непоколебимым.

“Это волнение, — сказала я себе. — Я просто нервничаю перед походом в лес. Я мало спала, а в голове у меня крутится прошлый оборот. У меня нет никаких других объяснений для этого”.

Сигил пульсировал. Раз. Два. Раз. Два.

Я на всякий случай спрятала запястье под ткань платья. Илани спала, но мало ли. Я не хотела объяснять ей происходящее. Что уж там, я не хотела объяснять это даже себе.

В зеркале девушка с белой косой и рыжими прядями смотрела на меня очень внимательно, а в её серых глазах золото уже не просто мигало. Оно тлело.

Я зажмурилась. Отлично знала это ощущение: когда смотришь на что-то слишком долго, и оно начинает смотреть на тебя в ответ. Я просто излишне пялилась на себя в зеркале, и мне всё это просто показалось. Но когда я вновь открыла глаза, отражение подарило мне свой огненный взгляд.

Руку резко повело в сторону, как будто кто-то потянул её за привязанную нить, наматывая на катушку с той стороны. За запястьем следом дёрнулось предплечье.

Я уставилась на собственную руку, как на отвалившуюся часть тела.

— Ты чего? — шёпотом спросила я у неё.

Та не ответила, лишь потянулась ещё немного вперёд, к окну.

Я медленно встала из-за столика. Запястье повело за собой плечо, плечо повело за собой меня, и я сделала шаг. Потом ещё один.

“Так, Аврора, — сказала я себе очень спокойно. — Стой. Это просто остаточный отголосок. Это нервное, это волнение, это девятое кресло, это...”

На этот раз рука дёрнула меня в обратную сторону, да так сильно, что я непроизвольно начала пятиться за ней.

Будто шла не я, а моя рука. А я была чем-то вроде довеска к ней — телом, которое прицепили к запястью. И теперь это тело покорно перебирало ногами, чтобы не упасть. Со стороны это, вероятно, выглядело так, будто девушка шла задом наперёд. Если бы меня сейчас кто-то увидел, то решил бы, что я окончательно тронулась умом.

Я и без того в Эли'Нáрии числилась как *самая странная*: “та, что лазит по крышам Дома Совета”, “та, у которой нет клана”... Можно было собрать целую коллекцию.

Не хватало для полного списка только: “та, что теперь волочит за собственной рукой”.

— Прекрати, — прошептала я. — Прекрати, ну пожалуйста. Хотя бы ради приличия.

Рука любезно дёрнула ещё раз.

Я подошла к окну. Оно у меня малое, овальное, выходит в сад, на ту сторону, где заканчивается мамин ряд серебряного варана и начинается тропинка, петляющая вниз. За тропинкой была низкая каменная ограда. За оградой кромка Закатного леса.

Сигил на запястье горел и тянул меня туда.

Я осторожно повернула голову к спящей Илани. Кудри лежали на её щеке, рот был чуть приоткрыт, а на матрасе валялся остаток лепёшки, которую она так и не доела.

“Звезда меня береги, как же я тебя люблю, — подумала я, глядя на неё. — И какое же счастье, что ты сейчас не открываешь глаза”.

Я выскользнула из комнаты в коридор. К боковой двери я подошла на цыпочках с всё ещё вытянутой вперёд рукой.

В общей комнате, в чаше, тлел очаг. Мать с отцом ещё спали, я слышала ровное дыхание из их купола. И в этот момент сигил на запястье вспыхнул так ярко, что я увидела его сквозь рукав.

Меня дёрнуло вперёд так сильно, что я едва успела перешагнуть порог, чтобы не споткнуться.

— Плетение, дай терпения, — прошипела я ему уже за дверью. — Можешь хоть немного помедленнее?

Сольвар высунула свою маленькую мордочку и проводила меня озадаченным взглядом.

— Знаю, милая. Только никому об этом не рассказывай.

Сигил пульсировал и тянул вперёд.

Воздух снаружи был холодный, серо-голубой, с той особенной рассветной прозрачностью, которая бывает только перед самым восходом звезды. Травы пахли росой. Лунный иссан у боковой стены ещё не закрыл белёсые соцветия — он всегда закрывал их последним, когда первый луч уже касался крыш.

Шла я не своими шагами, а плелась за рукой, которая тянула меня к каменной ограде вниз по тропинке, как маленький упрямый поводырь. Для меня самой это скорее было унижительно. Для стороннего наблюдателя это и вовсе выглядело бы как откровенное помешательство.

Я очень понадеялась, что в эту раннюю фазу никто из соседей не выглядывает в окно.

“Та, у которой два пожара на голове, ходит к Закатному лесу, разговаривает с собственной рукой и волочится за ней, как лодка за течением. Передайте Маэне, у нас тут ещё одна, кажется, спеклась”.

— Заткнись, — сказала я внутреннему голосу, и тот послушался.

Стена леса дрогнула. Я стояла на самой кромке. За спиной у меня были мама, папа, Илани, серебряный варан в плошке, очаг в чаше, тёплая половица, которая знала мои шаги. Передо мной был лес, в который я никогда не заходила, и сигил, ведущий меня туда.

“Это очень глупо, наверное, самая глупая вещь, которую ты сделаешь в своей жизни, Аврора”.

Сигил снова запульсировал, и я сделала шаг.

Гул леса сомкнулся за моей спиной мягко, как занавес.

Под ногами хрустнули тёмные листья с серебристой изнанкой, какие у нас в саду не растут. Воздух здесь был другой: более густой, как первое варево из корня терры, с тем же горьковатым оттенком. Вот только пах он чем-то первозданным: землёй, которая что-то очень давно хранит в себе и помнит прошлое... Святая Итира, у меня и так проблем выше головы, а ещё угораздило забрести в Закатный лес. Свет сюда практически не пробивается. Жуткое место.

Я задрала голову: деревья в Закатном лесу были невообразимо огромными. Кроны сходились над тропинкой так плотно, что серость начинающегося оборота превращалась в сумерки. В Закатном лесу преимущественно росли красные и оранжевые деревья, создавая мистическую атмосферу. Где-то высоко, между листьями, мелькнул лоскут неба. И он показался мне таким же далёким, как, ну скажем, мой здравый смысл.

Тропинка под ногами — это вообще-то громко сказано. Никакой тропинки здесь не было. Был ровный ход, который сигил выбирал между стволами так, будто у него была карта. Я едва успевала переставлять ноги. И вдруг, в самый разгар моего внутреннего диалога, рука резко остановилась, и я замерла.

Между двумя деревьями, в десяти шагах от меня, прямо в пустоте, шла трещина. Едва заметная, как будто кто-то очень аккуратно провёл по стеклу алмазом. Только вот тут не было стекла. Прямо в воздухе висел разлом¹⁶ длиной примерно с мою руку, и из него сочился свет, мягко переливающийся разными цветами, как масло на воде: голубой переходил в лиловый, лиловый в золотой, а тот в холодный розовый — и всё это медленно, как дыхание.

— Это что вообще такое?

Я сделала шаг вперёд. Сигил на запястье затих. Он горел, но хотя бы перестал тащить меня в чашу. Как будто я наконец-то пришла туда, куда он вёл, и теперь мне можно просто постоять, посмотреть вокруг и подумать.

¹⁶ Разлом — трещина в ткани пространства, соединяющая разделённые области мироздания.

Тело снова стало моим.

Я с облегчением сжала кулак, и рука послушалась.

— Ну хоть на этом спасибо, — буркнула я запястью. — Я уж думала, ты меня до конца моей жизни за нос водить будешь. То есть за руку.

Я подошла к разлому ближе. И тут же увидела, что он не один.

Чуть дальше, между корнями огромного дерева, висела трещина поменьше. Из неё сочился ровный густой синий свет: такой синий, какой бывает только в самой глубокой части озера. Чуть дальше третья — совсем тонкая, золотисто-зелёная трещина. За третьей, кажется, четвёртая. Может, и больше. Лес впереди мерцал, как будто кто-то рассыпал по нему битое стекло, и в каждом осколке горела маленькая чужая звезда.

Я медленно опустила руку на корточках перед первой трещиной, на расстоянии, которое мой эсдерийский опыт называет: “Вот сюда руку совать не надо”.

Свет из разлома гладил мне лицо. Он был таким тёплым и странно знакомым, будто я где-то его уже чувствовала, только не могла вспомнить где. Я провела ладонью рядом с трещиной. И ничего. Воздух как воздух.

— И что же ты такое? — прошептала я.

Разлом мне, естественно, не ответил.

Я перевела взгляд дальше: на синий, золотисто-зелёный и мерцающий искрами лес.

“Печать”, — сказала я себе. От осознания у меня под рёбрами что-то резко обвалилось.

“Печать истончилась на ладонь за семь оборотов”, — сказала Вера в малом зале. — “Дейроны абсонируют сюда в первый же цикл. Их манит трещина, как мотыля свет”.

— Ах, Рори, — сказала я вслух самой себе, — ты не могла бы хоть один раз в жизни не оказываться там, где происходит ровно то, что обсуждал накануне наш Совет?

Я была одна в Закатном лесу, на корточках, перед разломом, через который очень красиво сочился свет, вероятно, с другой стороны мироздания. Где-то в этом лесу наверняка висели ещё разломы.

Мне очень захотелось вернуться домой. К Илани и серебряному варану в плошке.

Сигил у меня на запястье тихо пульсировал, будто говорил: “Видишь? Я вёл тебя сюда именно для этого. Ты должна была это увидеть”.

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотала я ему. — И что мне теперь со всем этим делать?

Неожиданно я почувствовала тяжесть между лопаток. Узнала её прежде, чем осознала это.

Воздух за моей спиной перестал быть просто воздухом. Он уплотнился, как перед грозой, словно в беззвучном модуле, в котором только что бесшумно закрылась дверь. Волосы на затылке встали дыбом — такая реакция у меня бывала в присутствии лишь одного существа в этом мире.

“Нет, — сказала я себе очень спокойно, сидя всё ещё спиной к нему. — Нет-нет-нет. Этого не может быть. Я в Закатном лесу с полной незыблемостью на запястье. Никто не знает, что я здесь. Это какой-нибудь местный зверёк, который дышит как взрослый мужчина под два метра ростом. Это просто очень крупный зверь, Аврора. Дыши”.

Воздух за моей спиной был очень тяжёлым и, к сожалению, знакомым.

“Холодная вода, металл, что-то свежее-травяное”, — услужливо подсказала мне память.

— Очень мне нужно было это сейчас вспоминать, — прошипела я себе под нос.

Голос за моей спиной сказал негромко, ровно с тем оттенком предвкушения, которое не сулит тебе ничего хорошего:

— Ну здравствуй, Искорка.

Я закрыла глаза.

“Да чтоб мне в этот разлом провалиться!”.

Сигил у меня на запястье довольно пульсировал. Меня, кажется, обманули.

Я медленно открыла глаза и подняла голову. Посмотрела на разлом перед собой, тяжело выдохнула и, медленно поднявшись на ноги, обернулась.

И едва не села обратно. Их было двое.

“Девятое кресло” стояло в пяти шагах от меня, и от него вчерашнего знакомым осталось разве что лицо. Никакого светлого камзола с серебряными нитями. Никакого высокого воротника, под который красиво уходили сигилы. На нём была боевая нефилимская броня — тёмно-серебристая вторая кожа, та самая, про которую мне когда-то рассказывал Гелион: “У Кондár всё — серебро и тёмное дерево. Ты узнаешь их по цветам раньше, чем по лицам”. Гладкая ткань плотно лежала, подчёркивая каждый мускул на этом шикарном теле. Тонкие серебряные линии шли по плечам, груди и предплечьям, складывались в сложные узлы у локтей и запястий. Тёмно-русые волосы от предрассветной сырости легли волнами назад. И сигилы у него на лбу, те самые, угловатые, как сломанные молнии, сейчас светились чётче, чем в Доме Совета.

Рядом с ним стоял второй.

Я его не знала, но запомнила бы. Он был чуть ниже Максимилиана и немного шире его в плечах, со светлыми волосами, забранными назад в свободные косы, и аккуратной бородой на лице. У него были серые глаза и такого же цвета боевая броня, с тем же сгильным узором по груди и предплечьям, лишь с другим отливом — серым. Стойка тоже принадлежала Кондár — безошибочно определила я. Их стойку ни с чем не спутаешь: ноги на ширине, плечи расправлены, руки свободные, готовые к бою.

Святая Итира, их двое, и они в броне. А я в Закатном лесу одна, и единственная моя живая мысль сейчас, что в боевой броне Максимилиан выглядит ещё более несправедливо, чем во вчерашнем камзоле, и за одно только это, его уже хочется привлечь к ответственности.

“Рори, — сказала я себе. — Нужно сосредоточиться. У тебя проблем выше головы и двое нефилимов на горизонте”.

Я открыла рот.

— Ты, — опередил меня Максимилиан. — Что здесь забыла?

Я закрыла рот. Открыла снова.

— Это, кажется, моя реплика, — произнесла я, выразительно выгнув бровь.

— Нет, — отозвался он совершенно ровно. — Точно моя. Я, как минимум, не лез через чужую крышу в прошлый оборот.

— А я, как минимум, не появлялась уже дважды за спиной у незнакомых девушек. У нас равный счёт.

Второй нефилим коротко и очень тихо хмыкнул. Не улыбнулся, звук был едва слышен. Максимилиан повернул к нему голову. Второй немедленно сделал сосредоточенное лицо.

— Дэниель, — произнёс Максимилиан, не глядя на меня. — Это та девчонка.

— Я понял, — отозвался Дэниель. Голос у него был ниже, чем у Максимилиана, и медленнее, как будто он сначала всё взвешивает, а потом уже звучит. — Я её представлял немного иначе.

— Все её представляют немного иначе.

— Я вообще-то вас слышу! — громко заявила я. — Я лично, своими ушами, нахожусь в этом самом лесу, в трёх шагах от вас, и я очень даже слышу всё, что вы про меня говорите в третьем лице. Это, между прочим, входит у вас в семейную традицию? Или это лично твоя манера?

— Лично моя, — ответил Максимилиан. — Дэниель её не разделяет.

— Дэниель её действительно не разделяет, — подтвердил тот спокойно. И посмотрел на меня, слегка улынувшись. — Рад знакомству.

— И я... — сказала я машинально, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Это Аврора. Двенадцать визитов в Дом Совета, последний был в прошлый оборот с участием Атаура и моих нервов.

— Я запомнил, — сказал Дэниель. — Ты весь оборот Нолво мне это рассказывал.

— Я не...

— На протяжении всей тёмной фазы. С деталями. — Дэниель кивнул, подтверждая. Уголок его рта дёрнулся в улыбке.

“О, значит, всю фазу? — ликуя, подумала я. — Сдал друга с потрохами. А мы вполне могли бы с ним подружиться”.

— Я, конечно, польщена, что вы обсуждали меня под сиянием Нолво, — произнесла я вслух. — А теперь объясните мне, пожалуйста, что вы оба здесь делаете? Потому что я, например, оказалась тут совсем не по своей воле.

Они переглянулись.

И я увидела отчётливо: они переглянулись, как переглядывается кто-то, у кого на этот вопрос нет хорошего ответа.

— А по чьей тогда? — медленно, растягивая предложение, спросил Максимилиан.

— По её, — ответила я и подняла левую руку.

Сигил на запястье уже не горел так ярко, он лишь мягко мерцал.

— Она меня сюда привела. Настоятельно и с элементами насилия. Если бы я могла её привлечь к Совету за похищение, я бы обязательно это сделала.

Дэниель перевёл взгляд на моё запястье. Максимилиан посмотрел туда же. Его лицо — то самое, что накануне в Доме Совета не дрогнуло ни разу, — сейчас на целых пол-удара сердца стало другим: как будто он наконец увидел то, чего так долго ждал, хоть и сам не до конца верил, что увидит. А теперь стоит и решает, что с этим делать.

— Ты сюда пришла, — уточнил он, почёсывая макушку, — за сигилом?

— Я сюда пришла за собственной рукой, — поправила я. — Сигил пришёл сам, а я была его приложением.

Они снова переглянулись, но ничего не ответили.

— А вы? — спросила я уже жёстче, потому что мне очень не понравилось, как они разглядывали моё запястье. — Вы сюда зачем пришли?

Максимилиан молчал.

Дэниель посмотрел на него без слов, подняв одну бровь — мол, интересно, что мой друг ответит на этот раз.

— Мы здесь по другой причине, — произнёс наконец Максимилиан.

— Какой? — Я скрестила руки.

— Из-за разломов.

— И всё? — Я склонила голову набок.

— И всё. — Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Я сделала шаг ближе, глядя ему прямо в глаза.

— И ты прямо сейчас, в этот самый предрассветный момент, абсолютно случайно решил пойти посмотреть разломы, и абсолютно случайно вышел ровно к тому, к которому меня также абсолютно случайно притащила моя собственная рука?

Он выдержал паузу. Слишком длинную для того, кому нечего скрывать.

— Хм, — задумался он, и голос у него стал слишком ровным, — я и сам сейчас задаюсь похожим вопросом.

А вот тут я ему почти поверила. Потому что в его, казалось бы, нечитаемом выражении лица я уловила тот же сложный круговорот мыслей, что сейчас безмолвно крутился и у меня: я не понимаю, что здесь происходит, и больше всего в этой ситуации мне не нравится именно “не понимать”.

Дэниель, который всё это время молча наблюдал, спокойно произнёс:

— Разломов больше, чем мы думали.

Я повернулась к нему.

— Это и правда разломы печати? Той, что удерживает Эурадон?

Мой вопрос благополучно проигнорировали.

— Здесь, на этой поляне, — Дэниель медленно повёл взглядом вокруг, — четыре. Чуть глубже в лесу — ещё несколько. Я насчитал семь, прежде чем мы её увидели.

Я опустила взгляд на ближайшую трещину. На ту самую, перед которой я сидела и философствовала про мотылей. Теперь, после слов Дэниеля, она казалась мне чуть хуже, чем мгновение назад: не той красивой, интересной дыркой, через которую сюда что-то течёт.

Неожиданно моя рука сама поднялась к ней. Я протянула её машинально, как тянутся к интересной вещи: к диковинной раковине на берегу, чужой косе или гладкому камню на дне реки. Воздух у трещины дёрнулся мне навстречу.

И всё, что на протяжении двадцати четырёх циклов я считала чужим внутри себя, теперь всем своим естеством радостно качнулось навстречу к разлому, словно ждало этого мгновения всю жизнь.

Меня выгнуло.

По коже от запястья вверх, по плечам и дальше вдоль позвоночника пробежала волна света. Под кожей вспыхнули серебристые линии, будто кто-то одну за другой аккуратно зажигал внутри невидимые лампы. Разлом передо мной открылся шире, потянувшись ко мне разноцветным переливом. А моя рука, словно в притяжении, потянулась к разлому в ответ, и между нами натянулась осязаемая нить.

“Что происходит, — попыталась подумать я. — Что происхо...”

Сзади кто-то точным движением поймал меня за талию одной рукой, и оттянул на полшага назад от разлома. И в то же мгновение перед моим лицом прошла вторая рука: чужая, тёплая, в плотном рукаве брони. В воздухе перед нами вспыхнули четыре серебряных сгига. Они зажглись по очереди и легли поверх трещины ровной живой решёткой. Та нить света, что шла от меня к разлому, дёрнулась и оборвалась. Разлом дрогнул, свет внутри него потускнел. Край трещины медленно, как заживающая рана, начали сходить.

Я стояла с открытым ртом и с чужой рукой на собственной талии.

— Дыши, — сказал он мне в висок очень тихо.

Я дышала. Видимо.

Что-то у меня в груди делало то, что обычно называется дыханием. Грудь поднималась и опускалась. Воздух заходил и выходил. Всё было прекрасно, всё было ужасно, и при этом, он всё ещё стоял за моей спиной, ровно так же, как это было в Доме Совета. Тяжёлая, безошибочная тишина, и его ладонь у меня на боку. Его тёплое дыхание касалось моего виска. Мне немедленно нужно сделать хоть что-то, иначе у меня просто откажут ноги.

“Аврора, борись! Его присутствие оказывает необратимое влияние на твою маленькую, наивную голову! Он тебе не друг!” — резко вправила я сама себе мозги и отшатнулась, сделав шаг в сторону, потом ещё один, пока не оказалась в пяти шагах от него: ровно посередине между нами осталась медленно зарастающая трещина, перечёркнутая его серебряными сгигами.

Он не двинулся следом. Только опустил руку, на которой ещё догорал последний узор, и посмотрел на меня. Совсем иначе, чем все предыдущие разы. С каким-то очень холодным, собранным интересом.

— Тебе не говорили, что нельзя совать свои прекрасные ручки куда попало? — спросил он с ноткой раздражения. — И давно у тебя открылся дар от нейли? — неожиданно для меня уточнил он.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

Где-то сбоку тихо сместился Дэниель, не вмешиваясь в разговор.

— Что? — наконец ошарашенно выдавила я.

— Дар клана. Как давно он проявился? — повторил он ровно. — Твои сигилы на запястье и нить, что шла к разлому, — всё это...

— Эм-м-м... — Я нервно моргнула. — Не понимаю, о чём ты. — И подняла обе ладони, как будто ими можно отгородиться от того, что только что произошло. — У меня нет никаких даров, никогда не было и никогда не будет. Есть природный, как и у большинства нефилимов, да и то мама с Гелионом вытягивали его из меня на протяжении десяти циклов, как занозу. Меня поэтому и не приписали к вашим кланам. Неодарённой я вышла, понимаешь? У меня. Нет. Никаких. Даров.

Он молчал.

— Максимилиан, — выговорила я, и собственный голос в ушах прозвучал чуть выше обычного. — Я не шучу. Сигилы у меня светятся просто потому, что они так делают периодически. Я сама не знаю, почему! Меня сюда привела рука — это что-то новое, согласна, такое впервые. Но дара у меня нет.

Нет же, правда? Я взмолилась Святой Итире, да вообще всем существующим святым.

Он молчал ещё мгновение.

А потом повернул голову к Дэниелю.

— Дэниель, — Максимилиан не отвел от меня взгляда.

— Я видел, — тихо отозвался тот.

— Скажи ей, что я видел то же, что и ты.

— Он видел то же, что и я, — повторил Дэниель послушно. Голос у него был такой же ровный, как у Максимилиана, но без той сухой узости. Внутри этой “ровности” у него было что-то почти доброе. — Нити Элиона¹⁷ у детей нефилимов выходят естественно, мы называем это первой волной. Затем мы все оттачиваем мастерство, культивируя¹⁸ свои сигилы, и уже осознанно управляем резонансом¹⁹.

— Это, — выговорила я едва слышно, — какая-то ошибка.

Сигил у меня на запястье резко замигал.

Как будто хотел сказать: “Ну, видишь? Я тебе всё это время намекал”.

Я опустила руку и завела её за спину. Очень хотелось спрятать её под рукав, под свои причудливые волосы, под камень — да под что угодно. Под слой здравого смысла, например, но того у меня сейчас, кажется, не было в наличии.

Максимилиан смотрел на меня очень внимательно. Без веселья, с той сосредоточенностью, с какой эсдерийская мать смотрит на травы, которые принесли ей с поля: и это не для того, чтобы любоваться ими, а чтобы понять, что у неё в руках и что с этим теперь делать.

Мне очень не понравилось быть пучком трав.

— Допустим, — произнесла я, наконец, спокойно и разумно. — Допустим, выпустила я какую-то нить. Понятия не имею, что это было. Что дальше?

— Дальше, — Максимилиан отвернулся в сторону разлома, — мы проверим остальные разрывы.

— Мы? — Я прищурилась.

— Мы.

— То есть я?

¹⁷ Элион — первичная жизненная сила мироздания. Невидимое поле, текущее сквозь материю, сознание и пространство. Всякая магия, всякая культивация, всякий вдох — это проявления Элиона.

¹⁸ Культивация — путь развития искры через совершенствование тела, разума и духа. Чем выше ступень культивации, тем больший поток Элиона способен выдержать её носитель.

¹⁹ Резонанс — состояние, в котором искра существа начинает звучать в унисон с Элионом. В резонансе возможно управление материей, энергией и потоками силы.

— Ты стоишь рядом, — он даже не обернулся. — Дэниель помогает, я закрываю. Ты стоишь, не трогаешь, не двигаешься и даже не дышишь в их сторону. Всё понятно?

— Очень содержательное распределение ролей, — пробормотала я, закатывая глаза. — Я в восторге от своей.

Дэниель за его плечом, склонив голову набок, прикрыл глаза. Я заподозрила, что у Дэниеля это эквивалент того, что у нормальных называется “закатить глаза”, и что ему это, похоже, приходится делать рядом с Максимилианом регулярно.

Я ему мысленно посочувствовала.

Мы пошли вглубь поляны. Дэниель шёл первым. Я наблюдала за ним краем глаза. Его шаг был спокойным и собранным: он ступал так, как будто слышал землю под ногами на полшага вперёд, и каждое его движение немного сдвигало воздух вокруг него, едва заметно меняя плотность. Что-то вроде очень тонкой невидимой подушки, в которой он шёл. У Кондэр, вспомнила я слова Гелиона, гравитация — это клановый дар.

Максимилиан шёл за мной. Я чувствовала ровно то же, что чувствовала в коридоре Дома Совета: ровную, непрерывную тяжесть от внимания на своей спине. Как будто он положил мне туда ладонь. Только теперь я знала, что эта ладонь у него действительно умеет ложиться. Если не на лопатки, то как минимум на талию.

“Аврора, — процедила я себе очень строго, — мы это не вспоминаем. Мы это, наоборот, забываем. Прямо сейчас”.

Я очень старалась. Получалось скверно.

Первый разлом, тот, к которому я тянулась, уже почти затянулся. Сигилы Максимилиана догорали на нём ровной решёткой, и сквозь них едва пробивался тонкий лиловый луч. Дэниель остановился перед ним, бросил быстрый, но внимательный взгляд.

— Этот закроется к тёмной фазе, — подытожил он. — Если её здесь больше не будет.

“Её”, очевидно, означало меня.

— Я тоже за то, чтобы меня здесь больше не было, — произнесла я громко.

Никто не отозвался. Видимо, моё мнение по этому пункту в обсуждении не участвовало.

Второй разлом был между корнями огромного дерева с чёрной корой — тот самый, синий. Дэниель присел перед ним на одно колено, медленно повёл ладонью в воздухе над трещиной, не касаясь. Воздух вокруг его руки слегка уплотнился, как над горячим пламенем. Сигилы у него на броне, по предплечью, изящно засветились.

— Сквозной, — сказал он. — Глубокий, с той стороны идёт ровное давление. Оно не пульсирует, значит, пока без странствующих.

— *Странствующих*, — повторила я. — Я правильно слышу?

— Правильно, — протянул лениво Максимилиан у меня за спиной.

— И что у нас на той стороне предполагается за “странствующих”?

— Ничего хорошего, Искорка.

Переживать то ли о “ничего хорошего”, то ли об “искорке” — я ещё не определилась.

Дэниель снова на мгновение прикрыл глаза.

Мы пошли дальше.

Третий разлом: золотисто-зелёный, тонкий, как волос, был у самой земли, между корнями ясного куста. Дэниель присел и над ним, а затем поднял голову, чтобы найти глазами Максимилиана.

— Свежий, — Дэниель провёл ладонью над трещиной, не касаясь. — Может, треть оборота назад. Может, меньше.

Что-то у меня в груди мгновенно опустилось.

— Третью оборота, — повторила я тихо. — Это значит, что в это время я была...

— Дома, — закончил Максимилиан, и в голосе у него вдруг прорезалась нота, которой я там до этого не слышала. — Ты была дома, и сигил у тебя на запястье загорелся. Я знаю.

Я стремительно повернула к нему голову.

— Откуда ты знаешь, что дома и точно в это мгновение у меня загорелся сигил?

— Потому что у меня он тоже загорелся, — пробормотал он задумчиво.

Он оттянул край рукава своей кондарской брони. Вокруг его запястья, точно так же, как у меня, светилось серебро. Быть того не может!

Тишина в лесу стала очень густой.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

Дэниель очень дипломатично переключил внимание на свежий разлом, и сделал это так грамотно, что я мысленно отметила: “Этот нефилим умеет жить рядом с Максимилианом. Его стоит уважать”.

— Святые рощи, — пробормотала я наконец. — Допустим, у тебя у самого тоже что-то загорелось на запястье. Замечательная общая черта. Что это меняет?

— Это меняет, — рявкнул Максимилиан, — то, что нас обоих сюда привело.

— Не “обоих”. Меня привело, а тебя — это твой собственный выбор.

— Я бы это с радостью так сформулировал, если бы мог. — Максимилиан громко выдохнул, сжимая переносицу.

— То есть?.. — Я нахмурилась.

— То есть я сюда пришёл, — усмехнулся он уголком губ, — потому что мне нужно было сюда прийти. Я могу тебе по пунктам объяснить, почему я считал это разумным. Я предводитель Кондár. Наша обязанность — закрывать разломы первыми. Я узнал о новой активности на этом участке и пошёл проверить лично, потому что не доверяю чужим докладам по таким вопросам. Я взял с собой Дэниеля, потому что одного нефилима в этот лес сейчас отпускать неразумно. Всё логично. Всё по делу. Всё это я могу объяснить старейшинам, если потребуется.

— Это и есть твоё объяснение, — прошептала я едва слышно.

— Это половина моего объяснения.

— А вторая половина?

— Вторая половина... — Максимилиан поджал губы, — тебя не касается.

— Прекрасно, — фыркнула я. — У нас тут все полны откровенности.

Дэниель за его плечом устало поднял голову, посмотрел на Максимилиана и опустил взгляд обратно к свежему разлому.

— Максимилиан, — позвал он сосредоточенно, не оборачиваясь.

— Что? — резко выкрикнуло “девятое кресло”, всё так же пристально разглядывая меня.

— Четвёртый.

Мы посмотрели туда, куда показывал Дэниель.

Шагах в пятнадцати, между двумя поваленными стволами, висел четвёртый разлом и был больше первых трёх. Из него шёл не свет, а лёгкая, очень тонкая и знакомая дымка. На этой дымке у самого края трещины что-то едва заметно подрагивало. Что-то такое, чего я в природе ни разу не видела, но внутри меня немедленно отдалось коротким, ясным узнаванием: “Нехорошо. Это нехорошо. Это очень нехорошо”.

— Это ещё что? — спросила я тише, чем хотела.

— Это, — нахмурившись, сказал Максимилиан, и голос у него стал очень собранным, — то, из-за чего я больше не хочу обсуждать, кто кого сюда привёл!

Он повернулся к Дэниелю.

— Быстро запечатываем! — скомандовал Максимилиан, мгновенно сбросив оцепенение.

Дэниель кивнул один раз и без вопросов. Они оба протянули ладони вперёд к разлому. От их рук пошёл свет: глубокий серый, плотный, как мокрый камень. Серебряные сгилы вокруг них один за другим зажглись и побежали по ткани вверх, к плечам.

Я стояла в стороне и смотрела на них, как заворожённая. Нефилимы величественно и страшно красиво закрывали четвёртый разлом, а серебряный свет вокруг них стоял ровным куполом.

Закончив, Максимилиан резко двинулся в мою сторону.

— Ты отправляешься с нами в Астрион, — отрезал он.

Я повернула к нему голову так быстро, что коса хлестнула меня по плечу.

— Ты что, с ума сошёл? Старейшины тебе не позволят! У меня родители, и ещё Илани. Я... я не могу их просто покинуть, ничего не сказав.

“Полностью выжил из ума, если думает, что я просто так пойду с ним, да ещё и в этот проклятый Астрион!”

— Дэниель, — обратился к своему другу Максимилиан, не отрывая от меня взгляда, — как закончишь, отправляйся в дом эсдери и предупреди их о том, что Аврора отправляется жить в клан Кондár. Она с ними свяжется в ближайшее время.

— Принял, — отозвался тот, не оборачиваясь. Он не дрогнул и даже не удивился. Я коротко возненавидела Дэниеля за его выучку.

— Ты меня явно не понял, — я повысила голос, и пусть весь этот лес меня слышит: и Дэниель, и Максимилиан, и все, кто там есть с той стороны разломов. — Я НИКУДА С ТОБОЙ НЕ ПОЙДУ!

— Это ты явно не поняла, Искорка, — проговорил он очень тихо и вкрадчиво, и это казалось более устрашающим, чем мой крик. — Я не спрашиваю. Все нефилимы без исключения слушаются моих приказов. И сейчас на Эурадоне небезопасно для всех нефилимов. Хочешь, чтобы твоя семья оказалась в опасности?

Он не моргая смотрел на меня.

— Но я никогда прежде не была в убежищах, меня не пускали. — Мой голос опустился, будто пытался найти хотя бы одну причину, способную его убедить.

— Меня не интересует, что было прежде. — Его голос стал слишком резким и безразличным. — Ты отправляешься в Астрион. Это не подлежит обсуждению! — Отрезал, так отрезал.

“Ладно, Рори, — мысленно повторила я себе. — Спокойствие. Какой у тебя сейчас выбор? Сбежать, попытаться придумать отвлекающий манёвр и рвануть, сверкая пятками? Сейчас выбор невелик, но, может, это прекрасная возможность впервые проникнуть в убежище и узнать что-то дельное... Возможно, даже найти хоть какой-нибудь ответ на вопрос, кто мои родители”.

Я почувствовала, как у меня внутри что-то медленно и аккуратно поворачивается. Точно ключ в замке.

“Ему явно выгодно, чтобы я пошла с ним. Правда, непонятно, зачем ему это нужно — задумчиво сказала я себе. — Следовательно, нужно пользоваться этим до конца и сыграть полноценно в эту игру”.

Я выпрямилась, сложила руки на груди и посмотрела ему прямо в глаза — те самые, светло-серые, с тончайшей серебряной нитью по краю радужки, которую я запомнила, и за что ругала себя ранее. Сейчас я решила не заниматься самобичеванием. А пользовалась этим без угрызений совести.

— Я пойду. Но при одном условии.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться.

Максимилиан наклонил голову, будто изучая меня. А затем, не выдержав моего взора, отвёл глаза в сторону.

Мама всегда говорила, что порой я одним непробиваемым взглядом способна сносить голову неприятелю, поймавшему его на себе. Так случилось и на этот раз: непробиваемая стена по имени Максимилиан слегка пошатнулась от тяжести и несокрушимости взгляда Авроры.

Дэниель за его плечом, кажется, слегка приснул в сторону разлома. Я могла поклясться.

— Что за условие? — наконец поинтересовался Максимилиан.

Лёд оттаял.

Я чуть не разрушила своё непробиваемое выражение лица огромной улыбкой победы, рвавшейся из груди. Удержала, но с огромным трудом.

— Мне не будут ставить запретов на территории убежища. Я спокойно смогу читать книги в библиотеке и ходить, куда пожелаю: на собрания, например, и на занятия.

Слегка подумав, он ответил:

— Тебе будет открыт такой же доступ, как и всем остальным нефилимам.

Он что, так легко согласился? Не верю.

“Здесь точно есть какой-то подвох”, — вдруг подумалось мне.

Я недоверчиво и внимательно прищурилась. Он смотрел на меня спокойно, словно подписал что-то, что ему совершенно не страшно было подписать.

“Аврора, — спросила я себя, — а что ты только что согласилась подписать?”

Сигил у меня на запястье загадочно мерцал.

Где-то за спиной Дэниель закрыл ещё один разлом, и лес едва заметно вздохнул. Звезда наконец-то поднялась над грядой.

Свет хлынул в Закатный лес сквозь верхушки крон, и в этом свете Максимилиан в своей нефилимской броне стоял передо мной, будто его нарисовали нарочно так, чтобы у меня не осталось и шанса на спокойную жизнь. Святые рощи... Ну почему этот мужчина был настолько красив?

— Хорошо, тогда согласна, — наконец сдалась я.

И впервые за всю фазу он лукаво улыбнулся уголком рта. Как тот, кто уже знает, что выиграл, и теперь просто из вежливости не торопится говорить об этом вслух.

Я однозначно хотела стереть эту ухмылку. Желательно собственной ладонью и с размаха. В идеале — без свидетелей.

Но Дэниель за нашими спинами уже поднимался у закрытого разлома: серебряный свет вокруг него медленно гас, и сиклиды у него на броне ровно затухали один за другим, как фонари, которые гасят к тёмной фазе. Лес величественно молчал. И за этим молчанием было очень хорошо слышно собственное сердце.

Дэниель подошёл к нам, кивнул Максимилиану по-кондарски, без слов.

— Иди, — сказал ему Максимилиан. — Дом эсдери на южном холме, у Закатного леса. Узнаешь по саду. Родители — Эйра и Могу. Скажи всё как есть, не пугай.

— Откуда ты... — промямлила я, не веря своим ушам. Как он вообще узнал, где я живу? Он что, следил за нами? Скажите мне на милость, что вообще тут происходит!

— Не пугать Эйру и Могу тем, что их дочь забирают в Астрион, — сухо повторил Дэниель. — Принял невыполнимое. Но сделаю мягко, — пообещал Дэниель уже мне, а не Максимилиану. — Искрой клянусь!

И я ему почему-то сразу поверила. У Дэниеля было такое располагающее лицо, которому поверишь, даже если он скажет, что небо зелёное.

Святые рощи, Илани... Она совсем ничего не знает...

— Илани, — перепуганно бросила я ему. — Там у меня дома Илани, курчавая такая, спит у моего ложа. Скажи ей, что я цела, не пострадала, и пусть не вздумает приходить за мной! Она пойдёт, я её знаю. Передай, что я очень её прошу.

Дэниель смотрел на меня внимательно, запоминая:

— Курчавая Илани, — повторил он. — Принял.

— Спасибо.

Сделав шаг назад, он развернулся, и воздух вокруг него схлопнулся, прежде чем я успела сказать хоть слово. Дэниель просто растворился, оставив за собой мерцающие пылинки света.

Я моргнула.

— Это что ещё было?

— Абсонирование, — ответил Максимилиан. — До Астриона он доберётся раньше, чем мы доберёмся до реки.

— А почему мы тогда не...

— Потому что с тобой я так не рискну.

— Чего? — возмутилась я.

— Ничего, — процедил он сквозь зубы. — Идём.

— Подожди-подожди. “Не рискну”. Это ещё что значит? — выкрикнула я на ходу, потому что он шёл уже очень быстро.

Разумеется, он ничего не ответил. Я уже открыла рот, собравшись ещё что-нибудь сказать, но передумала. Решила сэкономить дыхание.

Мы шли не назад, к моему саду, а в обход. Максимилиан очень уверенно вёл вправо, через узкие промежутки между деревьями, которые лес открывал ему так же послушно, как открывал ранее мне. Я смотрела ему в спину и думала: “У Закатного леса, оказывается, есть любимчики. И я явно с краю этого списка. А он, видимо, в начале”.

— Куда мы идём? — спросила я наконец.

— Дугой.

— Содержательный ответ.

— Дугой вокруг Эли'Нáрии, — ответил он терпеливо, не оборачиваясь. — С запада к реке, затем через реку, сквозь рощу и напрямик в убежище.

— А зачем дугой? Через поселение короче.

— Через поселение — сотни любопытных глаз, которые знают тебя в лицо, и половина из них уже к четверти оборота доложат об увиденном Маэне. Я бы предпочёл, чтобы она узнала об этом от меня.

— Ты как будто меня крадёшь.

— Я и краду, — Максимилиан скользнул по мне взглядом.

Я споткнулась о собственную ногу.

— Прости, что?

— Технически это похищение, — ровно подтвердил он. — Совет одобрит задним числом, Атаур поручится. Старейшины Кондár примут, но если разбирать по букве — да, я тебя сейчас выношу из твоего родного поселения без согласия отвечающего за тебя вождя.

“Этот мужчина совершенно осознанно играет на моих нервах. Великим Плетением клянусь, он меня доведёт!”

Он шёл всё так же быстро. Я плелась за ним и смотрела на его широкую, прямую спину и лаконичные, выверенные движения. У Кондár спина — отдельное произведение искусства. Гелион однажды сказал мне: “У нас, Рори, всё начинается со спины. Элион проходит сквозь позвоночник, культивируется в нём, а затем выходит через руки”.

Спина у Максимилиана держалась.

Я отвела взгляд. У меня от этой спины зарождались мысли, в которых я никак не была заинтересована.

— А почему, кстати, ты лично решил забрать меня в убежище? — бросила я ему в затылок. — А не отправил, например, отряд чуть попозже?

— Потому что отряд для тебя — это слишком.

— Слишком в какую сторону?

— В обе.

— Конкретнее, ваше непробиваемое предводительство? — Я остановилась, чувствуя, что начинаю закипать.

Он наконец обернулся. В глазах опять стояло то самое веселье, которое он так ловко прятал и которое всё равно прорывалось у уголков рта.

— Конкретнее, Искорка, — он прищурился, — ты бы нагрубила отряд. Отряд бы тебя связал. Ты бы при этом от волнения создала ещё одну нить, и у нас был бы маленький, но очень неприятный инцидент в Закатном лесу. Поэтому лучше я. Без отряда.

Чётко и по делу. Теперь было понятно, почему он вообще стал предводителем... Он же ледышка, чтоб его в хаос!

Я промолчала.

Деревья впереди расступились, и между ними блеснула вода.

Это была река. Не та, к которой я ходила в детстве у южного берега, а та, что лежала с западной стороны Эли'Нáрии: широкая, спокойная, которую я никогда не переходила, потому что моста здесь нет. Никогда не было.

Я задумалась.

— И как мы...

Максимилиан подошёл к самому берегу. Постоял мгновение, потом величественно протянул руку вперёд и положил ладонь на ствол ближайшего к берегу дерева.

Я внимательно смотрела за его движениями.

Ветви над водой — толстые, длинные, привычно свисающие почти к самой поверхности — медленно дрогнули. Как будто кто-то их позвал, и они откликнулись. Одна ветка наклонилась к воде, и за ней вторая, третья, четвёртая: они просто начали осознанно переплетаться друг с другом прямо в воздухе, как будто каждое движение знало, где должно оказаться. На том берегу ветви других деревьев потянулись им навстречу. Они встретились над серединой реки и сцепились живыми узлами. Образовался плотный узкий мост высотой в два моих роста над водой.

Я стояла с открытым ртом.

— Это нечестно, — сказала я наконец.

— Что нечестно?

— Так уметь. Просто положить руку на дерево, и всё.

— У эурадонских эсдери, насколько я знаю, тоже бывают разговоры с деревьями.

— У нас — разговоры. У тебя — приказы. Это разные вещи.

— Я им не приказываю, — Максимилиан почтительно склонил голову перед древом. — Я их вежливо прошу. — Он отошёл в сторону и жестом пригласил меня идти вперёд. — Иди. Мост удержит, не бойся.

И вот это меня неожиданно задело. Со стороны это выглядело как вежливость. По сути же — это была чистой воды проверка.

Я стояла перед мостом и понимала, что он пропускает меня первой, не потому что не доверяет оставлять меня за своей спиной. А потому что доверяет ровно настолько, чтобы видеть, как я ступаю.

Мост под ногой был тёплым, упругим. Кора у переплетённых веток оказалась мягче, чем я думала. Я шла спокойно, ровно, держа спину так, как держала её, выходя из малого зала на глазах у всего Совета. Потому что я знала, что он за мной наблюдает, и потому что я очень не хотела, чтобы он увидел хоть проблеск моей неуверенности.

На середине моста я остановилась и посмотрела вниз. Вода шла умеренно быстро — тёмная, с серебристыми бликами, скользящими по самой поверхности.

— Идёшь, Искорка? — окликнул он с другого берега.

— Знаешь, если будешь меня так звать всю дорогу, я передумаю идти вообще.

— Тогда я отнесу тебя сам, — он и бровью не повёл.

Вместо ответа я ускорила шаг. Ну уж нет! Нести меня никто не будет!

Я подождала его на другом берегу. Он перешёл мост так, как будто его лично для него там положили. Когда он сошёл с последнего узла, ветви за его спиной медленно начали рас-

пряmlяться, а узлы расходились. Через несколько мгновений мост ушёл в стороны, и над рекой снова были просто свисающие к воде ветви, будто ничего и не было.

— Они всё запомнили, — сказал он, заметив, что я смотрю. — В следующий раз вспомнят и тебя.

— То есть ты часто здесь ходишь?

— Достаточно.

— Зачем?

— Тайна предводителя, — он покосился на меня. — Их полагается иметь... для загадочности.

— О, поверь, загадочности тебе не занимать, — я закатила глаза. — Ты за целый разговор не ответил прямо ни на один вопрос. — Я резко остановилась, развернувшись к нему. — У тебя это врождённое или ты отработывал специально?

Максимилиан смерил меня оценивающим взглядом.

— Отработывал, — ответил он сухо, продолжая пристально вглядываться в меня.

Я хотела ответить что-то уничижительное, но не смогла найти ничего подходящего. А он, судя по едва заметному изгибу губ, прекрасно это уловил.

Мы пошли через рощу.

Роща была светлая, совсем не похожая на Закатный лес. Деревья здесь стояли реже, между стволами лежали клочки сухой травы, а в ней качались мелкие белые цветы звёздочника — я их знала, мама собирала их для отвара от тревоги. Я машинально нагнулась, чтобы сорвать один.

Максимилиан повернул ко мне голову и посмотрел на сорванный цветок.

— Что? — бросила я ему. — Это звёздочник, он от тревоги. Мне он сегодня просто необходим.

— Сорвала с корнем?

— Конечно, нет. Только соцветие. У меня мать — эсдери. Я не дикарка. — Я прищурилась. — А ты всегда так пристально разглядываешь, что делают чужие руки?

— Только твои. — Он выдержал мой взгляд. — За твоими руками, Искорка, я бы советовал следить всем. На всякий случай.

— На всякий случай? — Я приподняла бровь, хотя щёки уже предательски горели. — И что же ты такого опасного во мне разглядел, предводитель?

— Пока только то, что ты крадёшь чужие цветы и споришь с тем, кто вдвое больше тебя, — уголок его рта дрогнул. — Но оборот только начался. Уверен, ты меня ещё удивишь.

— Не дождёшься!

Он довольно быстро отвернулся, чтобы я не заметила улыбки, но его спина едва заметно подрагивала.

Мы шли по роще, я мяла звёздочник в пальцах, и запах у него был такой свежий и простой, напоминающий мамин, что у меня резко перехватило в горле.

Я подумала про Илани. Про то, как она сейчас проснётся в моей комнате и, потянувшись к матрасу с другой стороны, не найдёт меня. Как встанет, протирая глаза, пойдёт в общий купол и увидит у моих родителей непонимающие лица. Дэниель к этому моменту, наверное, уже стоит у нашей боковой двери. Как мама Эйра, эсдери, чующая любую мою беду с порога, посмотрит на этого большого, серьёзного нефилима и поймёт всё ещё до того, как он откроет рот.

И не закричит. Мама никогда не кричит.

От этой мысли дыхание перехватило сильнее.

— Хей, — окликнул Максимилиан тихо.

Я повернула к нему голову.

Он смотрел не на меня, а вперёд, на тропу, без сочувствия и жалости.

— Что? — отозвалась я.

— Дэниель умеет говорить с матерями, — решил успокоить он. — У него самого мать жива. Это редкость для нефилима. Он знает, как... мягко убеждать.

— Откуда ты знаешь, что я думаю о матери?

— У тебя в руках звёздочник, — сказал он ровно. — От тревоги, сама сказала.

Я промолчала.

Этот мужчина был невыносим. Ещё и наблюдательный в довершок.

Мы вышли из рощи, и я восхищённо подняла голову.

За высокой стеной из чёрных растений с гладкими, словно стекло, листьями находилось нечто невиданное и необыкновенное. Я узнала их по описанию из старой эсдерийской хроники, которую мать показала мне однажды в детстве: это был онэкс, защитные растения нефилимских убежищ, растущие только там, где когда-то пролилась кровь Кондэр.

За онэкс поднимались стены, и, вырастая прямо из туманной долины, в небо вонзался Астрион. Огромные острые кристаллы, как застывшие молнии, поднимались ярусами. В их прозрачной глубине дрожал холодный голубой свет, будто внутри камня заточили кусочек зимнего неба. Звезда садилась точно за главным шпилем, и от этого казалось, что весь город горит изнутри мягким золотом, переходящим в льдистую синеву у основания. Туман стелился между деревьями, обнимал подножие города-убежища, и сквозь дымку проступали изящные боковые башни, увенчанные гранёными острями. Где-то далеко внизу узкая тропа вела к воротам, и мы с Максимилианом казались здесь двумя крошечными тёмными точками перед этим исполином из света и камня. Астрион. Я знала его по описаниям, но никогда не видела вживую.

Я осторожно выдохнула.

— Святая Итира, — пробормотала я. — Это...

— Это, — продолжил Максимилиан, даже не глядя на меня, — Астрион. Убежище Кондэр. И пока ты здесь, это твой дом.

“Это не мой дом”, — вдруг подумалось мне.

Максимилиан повернул ко мне голову:

— Аврора.

Я развернулась и изогнутой бровью спросила: “Что?”.

— Не пытайся уйти одна, — предостерёг он. — В Эли'Нарию, к реке, или куда-либо ещё. Слышишь?

На мгновение у меня внутри подняла голову та упрямая часть моей искры, что всю жизнь отвечает “нет”, когда мне говорят “нельзя”. Она посмотрела на него очень внимательно и, неожиданно для меня самой, легла обратно.

— Почему? — спросила я тише.

— Потому что один раз я уже вытащил тебя из разлома, — ответил он спокойно. — Второй раз повторять не стану.

Он сделал шаг вперёд.

Онэкс перед ним уступчиво разошлись в стороны.

И за их стеной, в свете разгорающейся звезды, открылись врата Астриона.

Глава 3

*В сердцевине всего Древние взрастили Древо из
сгущённого света, и корни его пронизали все миры
разом. У Древа встала Первая искра, дева Итира,
и стала руслом: сквозь неё Элион тёк в реальность,
как река сквозь исток. Пока звучала её Песнь,
всякая искра во всех мирах горела ровно.
— Крононианские хроники. Свиток первый:
"О Древе и деве"*

Онэкс перед Максимилианом расступился с безмолвным уважением: так хорошо обученный страж пропускает давнего хозяина. Чёрные глянцевые листья сложились живым проходом, и за ними открылся Астрион.

Я остановилась, затаив дыхание. Передо мной разливалось не просто убежище, а целое нефилимское поселение — живое, дышащее, пылающее внутренним огнём. В центре поднимался главный модуль — огромный, с плавными изгибами стен, уходящими вверх, заканчивающимися высокими узкими башнями. По бокам блестели кристаллические купола разной высоты: они ловили лучи рассветной звезды и отдавали её свет внутрь себя так, что крепость казалась светящейся, точно угасающий уголь, который бережно держат в ладонях.

От центрального модуля расходились выложенные светлыми плитами дорожки. От них тянулись жилые модули поменьше, но устроенные по тому же принципу: песочные стены, плавные купола, выгнутые окна, переплетение с деревом-сердца. Та же мягкая круглая логика, но сложенная с чем-то более точным, рассчитанным и звёздным. Чем-то их архитектура отчаянно напоминала нашу, эурадонскую, и от этого знакомого узнавания у меня в груди разлилось тепло и заняло от тоски одновременно.

И повсюду были кристаллы: огромные, монолитные, встроенные прямо в стены, выступающие столпами из земли вдоль дорожек и по углам зданий. Серебристо-белые, дымчатые, голубовато-прозрачные. От каждого в глубь стен уходили тонкие светящиеся прожилки, похожие на корни. Между уровнями на разной высоте пролегали мосты из светлого камня, перекинутые с террасы на террасу. По ним — далеко подо мной и далеко надо мной одновременно, — передвигались нефилимы.

Но окончательно моим сердцем завладело не это.

Дерево.

Его тёмный ствол расходился у основания на толстые корни-опоры, вставившие прямо в стены главного модуля, срастаясь с камнем так плотно, что я не могла сказать, где заканчивается дерево и начинается кладка. Выше корни превращались в рёбра сводов, в изгибы арок, в тонкие колонны, поддерживающие купола. Ветви прорастали сквозь крыши, будто здание было выстроено вокруг дерева ещё тогда, когда оно было тонким саженцем, и с тех пор они просто росли друг в друге, уже не различая, кто кого держит.

Внутри одной из стеклянных сфер различались силуэты растений, тянущихся вверх, в другой — что-то похожее на мерцающие приборы или сами кристаллы, выращенные под стеклом бережнее цветов.

Святые нити.

И во всём этом великолепии кипела жизнь. Нефилимов было гораздо больше, чем я себе представляла. Они шли по дорожкам, переговаривались у входов в модули, выходили из-за углов с какими-то корзинами и свёртками, тренировались на дальней площадке. Кто-то сме-

ялся в дальнем конце двора. Кто-то крикнул чьё-то имя. Где-то у бокового модуля двое мальчишек циклов десяти отрабатывали друг на друге стойку, и у одного из ладоней ярко вспыхнул синий свет.

Я моргнула, но это не помогло.

В детстве, когда мне было всего несколько циклов, старейшины провели свои испытания и пришли к выводу, что даров у меня нет, и я не могу принадлежать ни к одному из кланов, а значит, и жить внутри их убежища тоже. Они позволили родителям растить меня в обычном эсдерийском доме. Я видела нефилимов часто, но всегда издалека. Все обходили меня стороной, и, по правде говоря, я так и не стала своей ни в одном из миров. К этому ощущению я частично привыкла, но в глубине искры я всю жизнь мечтала увидеть Астрион, узнать больше, чем могла вычитать из книг Гелиона или в местной библиотеке Эли'Нáрии.

Сейчас, видя всё своими глазами, я почувствовала в груди такой острый трепет, что мне стало немного стыдно за него. Возможно ли всю жизнь быть так близко к чему-то и при этом настолько далеко?

Стоп.

“Аврора, — сказала я себе холодно. — Хватит. Соберись. Ты вошла сюда не на правах гостыи, а как та, у кого нет выбора. Эти стены — не твой дом. Нефилимы — не друзья. Ты тут шпионка, Рори, и тебе нужны ответы: о кланах, о твоих родителях и об этом хаосовом сигиле. Ты узнаешь то, что тебе нужно, и уйдёшь. Привыкать здесь не к чему. Никаких сантиментов”.

Я выдохнула и сжала ладонь в кулак. Обмотка на запястье натянулась, и сигил под ней моргнул, словно почувствовал, что я только что про себя решила. Я мысленно велела ему не лезть, и сигил стал тлеть тише.

Максимилиан остановился на полшага впереди меня. Этот нефилим, кажется, всю фазу напролёт умел стоять так, чтобы я всегда ощущала его присутствие. И сейчас он стоял рядом и ждал. Я ясно поняла, что он дал мне эти несколько мгновений дыхания намеренно, из расчёта увидеть мою реакцию. Я мысленно стиснула зубы, прикрыла рот, который, как выяснилось, всё это время был приоткрыт. Подняла подбородок повыше и только потом повернула к нему голову.

Он стоял, развернувшись ко мне вполоборота. Лицо непроницаемое, как и в течение всего этого времени, но я уже начала разбирать слои этой маски. И под верхним сейчас лежало что-то очень похожее на удовлетворение. Будто он давно и точно знал, как яотреагирую, и сейчас просто сверился со своим с прогнозом.

— Что? — произнесла я ровно. — У меня на лице написано что-то, чего ты ещё не видел за этот оборот?

Уголок его рта дёрнулся.

— Написано, — отозвался он спокойно. — Неконтролируемый восторг. Не очень тебе идёт, кстати. Ты лучше выглядишь, когда злишься, Искорка.

Я зло выдохнула через нос.

— А ты, — слегка наклонила голову, копируя его собственный жест, — лучше выглядишь, когда молчишь. Но мы оба, видимо, в этот оборот вынуждены терпеть друг друга в неудобных формах.

В его глазах что-то вспыхнуло: серебряная нить по краю радужки на мгновение стала ярче и тут же погасла. Он промолчал, затем развернулся к каменной дорожке, ведущей вглубь убежища.

— Идём, — бросил он через плечо.

По дороге к главному модулю на нас оборачивались. Двое нефилимов в тренировочных серых костюмах, проходивших мимо нас, склонили головы при виде Максимилиана и одновременно скользнули любопытными взглядами по мне, моему дорожному платью и растрёпанной косе. Я выдержала эти взгляды с достоинством: спина прямая, подбородок поднят, глаза не

опускать. У меня в Эли'Нáрии за двенадцать визитов в Дом Совета был большой опыт “прямой спины”.

Только здесь всё ощущалось по-другому. Их взгляды были оценивающими.

Я наивно надеялась, что мои серые глаза и белые волосы позволят мне не выделяться среди нефилимов. Но даже среди условно “своих” я выделялась редкими и непослушными рыжими прядями.

В то же мгновение из главного модуля, через высокий резной проход, к нам выбежала девушка.

Её длинные роскошные белые волосы летели за ней знаменем; некоторые пряди были убраны в свободные косы, а тонкие зелёные нити, вплетённые в них, мерцали на бегу, как живые. На незнакомке была лёгкая зелёно-бирюзовая боевая броня с тем же серебряным сгильным узором, что и у Максимилиана с Дэниелем. Из её ладоней выскальзывало светло-зелёное свечение, похожее на мокрую траву на рассвете, и гасло, не успевая вспыхнуть как следует.

Глаза у неё были цвета бирюзы — невероятно яркие. Совсем не такие, как у привычных обитателей Эурадона, и даже не как у тех нефилимов, которых я видела до этого. Её улыбка была широкой, открытой, бесстрашной: та самая улыбка, которая в зале с восемью старейшинами непременно вызвала бы немедленное расследование.

Она подбежала прямо к нам, и тут случилось то, чего я в Максимилиане ни разу не видела.

Его непроницаемое нефилимское лицо на мгновение по-нежному дрогнуло. Уголки рта поднялись настоящей улыбкой, без иронии и того холодного, собранного спокойствия, которое у него было на лице по умолчанию. Это была улыбка из обычной жизни. Так открыто улыбаются только своим. Очень своим. Совсем своим.

Я мгновенно опустила глаза.

Скорее из-за себя, а не из деликатности. Это короткое движение его лица отозвалось у меня внутри чем-то, чего я не хотела чувствовать: острой и глупой завистью, которая не имела никакого права на существование.

Я взяла эту зависть, аккуратно сложив внутри себя в маленький свёрток, и убрала туда же, куда сложила совсем недавно восторг. К остальным сантиментам, которые мне здесь не положены.

Девушка остановилась прямо передо мной и посмотрела мне в лицо так, будто слышала обо мне уже сто раз и сейчас наконец-то сверяла с описанием.

— Так это ты та самая Аврора, — в её голосе звучала такая искренняя, неподдельная радость, что мне на долю дыхания стало неловко за собственную холодность.

— Откуда ты знаешь моё... — начала я.

— Рада знакомству, очень рада! — выпалила она, и слова у неё посыпались так быстро, что я едва успевала за ними. — Я ждала вас с самого восхода, ну, не с самого, но с тех пор, как Дэниель вернулся. Затем я предвидела, когда вы придёте, поэтому выбежала навстречу. А ещё Дэниель сказал, что ты не очень рада, и что Милиан с тобой обходится не очень мягко. Я ему ответила, что у Милиана с мягкостью вообще большие проблемы: но ты ведь уже и сама это заметила, правда? — Она вздохнула, переводя дух, и улыбнулась мне ещё шире. — Я Вивиен. Или просто Ви. Из клана Альяр. Видящая, по совместительству старшая сестра всем тут, кто без меня не справляется — а это, поверь мне, большинство.

Я моргнула.

В Эли'Нáрии я за полтора цикла не выслушивала от незнакомого существа столько слов, предназначенных мне одной.

— Я Аврора, — произнесла я аккуратно, и это “аккуратно” вышло у меня само, потому что от неё шло какое-то очень настойчивое и тёплое поле, на которое не ответить взаимностью было почти неприлично. — Эсдери. Родом из Эли'Нáрии — Я перевела дыхание. — Очень...

Я хотела сказать, что тоже рада, но осеклась, потому что соврать ей почему-то не решалась.

— ...очень растеряна, — закончила я честно.

У Вивиен на мгновение проскользнуло сочувствие в её шикарных бирюзовых глазах. Эта девушка невероятно красива. Наверное, таких красивых я ещё не встречала в жизни.

— Максимилиан о тебе щебетал всё прошлое сияние Нолво! Рассказывал, как ты бесцеремонно ворвалась на Совет, препиралась с Атауром и снесла половину старейшин одной фразой, — Вивиен резко захохотала, неожиданно даже для меня. — Ты мне сразу понравилась по рассказам. Одобряю.

Я чуть не подавилась собственной слюной.

— Я не... — Максимилиан закашлял где-то сбоку и резко отвёл взгляд в сторону кристалла у бокового модуля, который, по моему мнению, ничем не заслужил такого внимания. — Не “щебетал”, — поправил он. — Доложил по делу.

— Доложил ты мне про новый поставочный график у целителей Вивьяр три цикла назад, и потратил на это четыре фразы, а это... — прошептала девушка, не оборачиваясь к нему.

— Вивиен! — Максимилиан буркнул так, что даже мне захотелось замолчать.

— А ты, — она повернулась к нему всем корпусом, и в голосе у неё мгновенно появилась лёгкая, привычная дерзость, какая бывает обычно лишь у меня, — мог бы и пощадить девочку. У неё взгляд, как у испуганного зверя, которого только что вытащили из норы и сказали, что он теперь живёт в большом доме. Пойдём, милая, я тебе всё тут покажу. Этот суровый воин нам тут совершенно не понадобится.

Максимилиан уже было открыл рот, чтобы что-то возразить, но Вивиен повернулась к нему и посмотрела на него таким взглядом, что он, неожиданно, закрыл рот обратно.

Я чуть не рассмеялась, но умело сдержала порыв.

“Может, она тут всё же предводитель, а не он?” — вдруг подумалось мне.

— Вивиен.

— Что?

— Не называй меня...

— Милиан, — она перебила его так уверенно, что я мысленно ей заплодировала, — у тебя через четверть оборота совет с Дэниелем по поводу того, что вы сегодня нашли в лесу. А после — встреча с Габриелем относительно того, чего вы там не нашли. У тебя вся фаза расписана, наш предводитель.

Она изобразила весёлый поклон и улыбнулась. Я однозначно зауважала эту девицу.

“Милиан” — так она его назвала. Видимо, сокращённое от его полного имени.

Максимилиан повёл подбородком в сторону. Я уже поняла, что у него это эквивалент того, что у нормальных называется: “закатить глаза, но я предводитель, и мне нельзя”.

Он посмотрел на меня, отступил на шаг, кивнул головой сначала мне, потом Вивиен, и стремительно пошёл по одной из каменных дорожек. Я смотрела в его удаляющуюся спину, пока та не скрылась за поворотом главного модуля.

Затем вспомнила о Вивиен и обнаружила, что она смотрит на меня очень внимательно. С тем выражением лица, с каким смотрят те, у кого внутри головы только что щёлкнули три замка одновременно, и теперь они решают, говорить об этом вслух или подождать.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — Вивиен мягко улыбнулась. — Просто ты держалась перед ним так, будто у тебя коса вместо позвоночника. Я давно ни у кого такого не видела. У вас в Эурадоне всех так воспитывают, или это ты сама?

— Это я сама, — отозвалась я ровно. — В Эурадоне нас, наоборот, учат гнуться.

— Тогда хорошо, что ты не из тех, кто слушает учителей.

Она взяла меня под руку, как будто мы с ней знакомы циклов пятнадцать, и повела к главному модулю. Я удивилась тому, как просто у неё это вышло. У меня обычно так ни с кем не получается. Да и со мной тоже выходит не всегда гладко. Но с Вивиен всё вышло само, как у меня с Илани в пять циклов на берегу реки.

Мы прошли под высокой резной аркой входа. Узор на ней был сложный, и я не успела его разобрать, но в нём явно были сигилы, которые моргнули, когда я перешагнула порог.

Внутри Астрион встретил меня своим величием. Пространство было наполнено плавными линиями и светом, исходящим от загадочных источников, скрытых за кристаллическими структурами. В воздухе висели мягкие оттенки золота, серебра и тёплого янтаря, которые переливались друг в друга. Потолок был усыпан мерцающими звёздами. Я задрала голову и увидела, что это не звёзды, а маленькие кристаллы, вплавленные в купол, и каждый из них горел своим собственным светом. Все вместе они складывались в узор, в который я очень захотела взглянуть подольше, потому что мне показалось, что я откуда-то его знаю.

Пол был выложен переливающимся кристаллом, менявшим цвета в зависимости от угла зрения. Я сделала шаг, и пол под ногой очень коротко полыхнул лёгким серебром. Сделала ещё шаг, и он полыхнул тёплым золотом. Я застыла.

— Он на тебя реагирует, — произнесла тихо Вивиен, видя моё изумление.

— Кто реагирует? — Я медленно отвела взгляд от пола и посмотрела на неё.

— Астрион живой и реагирует на всех нас.

Колонны, поддерживающие потолок, были сделаны из чистого кристалла — каждая вырезана с невероятной точностью, будто из одного цельного камня. По кристаллу шли тонкие линии сигиллов, очень похожие на те, что у Максимилиана на висках, только мягче, без резкости. Они тихо пульсировали, и я не сразу поняла, в такт чему. Потом догадалась.

В такт огромному дереву. Тому, что росло где-то в самом сердце убежища. Я не видела его отсюда, но почему-то чувствовала всем позвоночником.

Мы пошли дальше, и Вивиен заговорила, не спрашивая, нужна ли мне эта информация.

— Архитектуру всех Астрионов нам возвели сами нейли, — её голос звучал настолько тепло, что мне было абсолютно всё равно, что она рассказывает, лишь бы она продолжала говорить дальше. — Своими руками, дарами, сигилами и потоком Элиона. Тысячу циклов назад, ещё до того, как нас стало много и до того, как нас разделили на кланы.

Ви остановилась у одной из кристаллических колонн и провела по ней пальцами, очень нежно, почти любовно.

— Кристаллов много на территории каждого убежища, — продолжила она. — Каждый из них важен. Это очень практичная штука. Светлой фазой они принимают свет звезды и накапливают его. В тёмную фазу отдают и освещают Астрион. Поэтому у нас никогда не бывает абсолютной темноты. Даже в самую глухую, тёмную фазу в коридоре будет лёгкое сияние. Это первый уровень их работы. Самый простой.

— А есть и сложнее?

— Да, — Вивиен мельком на меня взглянула. — У нас всё, что оставили нейли, имеет минимум три уровня.

Она снова положила ладонь на колонну.

— Второй уровень: кристаллы усиливают торсионные поля самого Эурадона. Поддерживают печать, — голос стал тише, и она бросила на меня внимательный взгляд, будто проверяя, успеваю ли я за её мыслью. — Понимаешь? Каждый кристалл — маленькая опора. Все кристаллы во всех пяти убежищах вместе — большая сеть, которая держит нашу планету закрытой от того, что может проникнуть к нам извне. Когда нейли распределяли кланы по разным материкам и точкам Эурадона, они это делали именно так, чтобы сеть выстроилась равномер-

ной. Это, кстати, одна из причин, почему мы по сей цикл не сливаем все кланы в одно большое убежище. Хотя, поверь, многие хотели бы.

Я осторожно кивнула, впитывая информацию. Хотя я и читала об этом, но подробностей не знала. Ох, сколько же всего мне ещё было неизвестно...

— Третий уровень — связь, — голос Вивиен стал почти нежным. — Кристаллы создают между кланами не только поле, они создают коммуникационную сеть. Если что-то происходит в одном убежище, остальные узнают раньше, чем гонец успеет абсонировать. Это инженерия нейли, помноженная на живое сознание кристаллов.

Я медленно перевела взгляд на ближайшую кристаллическую жилу в стене. Она тихо тлела, и в её сердцевине что-то пульсировало.

— Ты сказала: “живое сознание”? — произнесла я ровно.

— Да, — Вивиен спокойно качнула головой. — Кристаллы живые. Деревья-носители живые. Купола живые. Стены живые. Сам Астрион живой. Мы его часть, а он — наша. Когда нефилим клана умирает, его убежище это чувствует. Когда нефилим возвращается домой после долгого отсутствия, оно это тоже понимает.

У меня в груди стояла странная смесь благоговения, недоверия и какого-то очень острого, личного укола: “А меня он чувствует? Меня он принимает?” Я не стала спрашивать это вслух. Я знала, что Вивиен ответит честно, а я не была уверена, что хочу услышать ответ прямо сейчас.

— А если печать упадёт? — задала я вопрос, который сидел во мне с прошлого оборота, как заноза. — Кристаллы её удержат?

— Кристаллы будут держать дольше, чем сама печать, — произнесла она спокойно. — Это страховка. Но если печать упадёт совсем, кристаллы её не заменят, Аврора. Они её только продлят на время.

— На какое?

— Никто не знает. Мы никогда этого не проверяли. И, если честно, очень не хотели бы проверять.

Между нами на несколько ударов сердца встала густая тишина. В ней было слышно, как тихо гудят сигилы на колонне, как в дальнем конце коридора кто-то открыл дверь, а тёплый ветерок пробежал по полу, заставив кристалл подо мной снова полыхнуть.

— Ладно, — Вивиен мягко тряхнула головой, словно сбрасывая разговор. — Идём дальше. Я ещё многое хочу тебе показать.

Мы пошли по широкому кристаллическому коридору, я смотрела по сторонам, и у меня слабо кружилась голова. С одной стороны коридора были высокие выгнутые окна, через которые лился свет. С другой — низкие пьедесталы, выстроенные вдоль стены, и на каждом пьедестале что-то лежало или светилось.

— Это наш зал артефактов, — пояснила Вивиен на ходу, и в её голосе снова появилась лёгкая теплота. — Можешь подходить и рассматривать. Только руками не трогай: некоторые из них реагируют на касание, и не всегда так, как тебе хотелось бы.

— Учту, — я мягко усмехнулась. — У меня сегодня уже был один эпизод нежелательного касания. Хватит на ближайший цикл.

На одних пьедесталах лежали камни: необычные, с прожилками, которых я никогда не видела, хотя у меня отец эсдери, и я с детства знаю более пятидесяти видов кристаллов. На других лежали свитки, перевязанные тонкими серебряными нитями. На третьих — маленькие фигурки, вырезанные из чего-то светлого. И в каждом артефакте — отдельный тихий гул, который я ощущала почти кожей.

Я резко остановилась.

На пьедестале, у которого я встала, лежало что-то, что я не сразу поняла. Внутри лёгкого светло-янтарного свечения, висевшего без видимой опоры прямо над поверхностью пье-

дестала, виднелись две нити: тонкие, как волос, переплетённые между собой ровным узлом. Они светились тёплым золотом, и в самой их сердцевине что-то очень мягко пульсировало.

Я не могла отвести взгляда.

Это было похоже на нечто, виденное мною когда-то давно. Я не помнила где и когда, но узнавание поднялось будто изнутри, завораживая и маня меня к себе.

— Что это такое? — спросила я тихо, словно опасалась спугнуть их.

Вивиен подошла ко мне сбоку, посмотрела на нити, и лицо у неё стало другим: очень серьёзным и спокойным.

— Это нити судьбы, — едва слышно, почти благоговейно произнесла она.

Я молчала, ожидая.

— Когда-то давно, — Вивиен продолжила, и голос у неё стал певучим, как у тех, кто говорит вещи, которые для них самих до сих пор удивительны, — эти две нити связали две искры воедино. Нити хранят невиданную силу. Они отыскивают незримые пути между искрами, коим суждено быть связанными. Понимаешь?

— Не уверена, — призналась я честно.

— Я попробую иначе, — Вивиен мягко улыбнулась мне. — У каждой искры во вселенной есть исконная невидимая нить. Тонкая, как этот волос. И у каждой нити где-то в Великом Плетении есть продолжение. Иногда это рождённые из одной исконной искры. Иногда это союзная нить: две искры, сковавшие друг друга через эпохи. Иногда это просто свет: две или более искр, чьи нити вибрируют на одной частоте. В любом случае это связь, которую нельзя ни разорвать, ни подделать, ни заменить.

Она помолчала.

— Естественное слияние — это когда нити сами находят друг друга, в одном теле, в одной жизни, без всякой помощи извне, что происходит очень, очень редко. Остальные должны прибегать к церемониям соединения нитей. По правде говоря, — она тихо улыбнулась, — мы знаем о них немного. Они старше нас. Они старше нейли. А может быть, старше самого Ауразон. Поэтому я тебе рассказала только то, что точно знаю. Остальное — догадки.

Я слушала её, не дыша.

— А кому принадлежат эти две нити? — мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

— К сожалению, нам это неизвестно, — Вивиен мягко покачала головой. — Они оказались среди артефактов после прибытия нейли на Эурадон. Их принесли сюда вместе с другими реликвиями, и за тысячу циклов мы так и не узнали, чьи они. Но видишь, как они пульсируют в самой сердцевине? Значит, обе искры, которым эти нити принадлежат, ещё живы. Где-то. В каком-то теле. В какой-то жизни. Может быть, эти двое прямо сейчас стоят на разных концах вселенной и не знают друг про друга. А может, они уже встретились и не знают, что между ними есть вот это.

Я снова взглянула на нити. Не знаю, какой магией они обладали, но они меня слишком завораживали. Одновременно с этим, вызывая во мне волну горечи. Я не понимала, почему, и мне не нравилось, что я не понимала.

— У нитей есть собственная память. Тело может забыть. Память может подвести. И даже сама жизнь. Но нить не забудет никогда. Если две искры, связанные нитью, оказываются в одном пространстве — она начинает звенеть. Иногда очень счастливо, — добавила она. — А иногда очень больно. Потому что мало кто готов услышать собственную нить, когда та начинает петь.

Я не сразу нашла, что ответить.

Я просто смотрела на эти две нити и чувствовала, как у меня где-то у самых рёбер что-то тихо постукивает. Я отвела взгляд.

— А вот видишь те десять нитей, связанные в крепкий узел? — Вивиен повернула меня и указала на пьедестал напротив.

Там, под ровным белым свечением, висел узел. Десять отдельных нитей, переплетённых так плотно и так красиво, что становилось больно смотреть на них. Они светились ровно, без пульсации, спокойно, как звёзды, стоящие на небосводе.

— Они принадлежат нашим создателям, — голос Вивиен снова стал тихим. — В разгар Войны Круга десять нейли связали свои искры воедино, чтобы создать новую расу нефилимов. — Она перевела на меня мягкий, внимательный взгляд. — Этот узел — то, из чего мы появились. Наша корневая нить. Если ты когда-нибудь увидишь нефилима — любого, в любом клане, в любом убежище, — знай: он часть вот этого узла. Я, Максимилиан, Дэниель — все мы его часть.

Я, не отрываясь, смотрела на узел.

И на эти десять нитей моя искра отозвалась гораздо сильнее, чем на первые две. Это было похоже на тепло — не внешнее прикосновение, а тепло, идущее из глубины сердца. На мгновение я перестала что-либо видеть или слышать вокруг.

— И ты тоже являешься их потомком, — мягкий и спокойный голос Вивиен вернул меня обратно в реальность. — Я пока не знаю, из какого ты клана, но твои дары должны проявиться рано или поздно. И тогда всё прояснится.

Я медленно перевела на неё взгляд. Она искренне улыбнулась мне.

“Ну вот, Рори, — напомнила я сама себе — это то, ради чего ты сюда пришла. Это те ответы, которые были тебе нужны. Слушай, запоминай и ни к кому не привязывайся”.

— Спасибо, Ви, — я отозвалась ровно, но мне было приятно. — За то, что говоришь со мной как... со своей.

— Аврора, — произнесла она спокойно, — ты пришла в Астрион, стены которого тебя признали. Если они тебя приняли, мне не нужно ничьё разрешение, чтобы говорить с тобой как со своей.

Она вновь улыбнулась мне, и в этом жесте было столько простой, неподдельной доброты, что я почувствовала, как у меня под рёбрами кольнуло.

“Будь осторожна, Рори, — проговорила я себе холодно. — Будь очень, очень осторожна. Эти нефилимы начинают тебе нравиться быстрее, чем ты успеваешь это контролировать”.

— Идём дальше, — Вивиен взяла меня под руку.

Я кивнула. Мы пошли по коридору к огромному резному проходу в дальнем конце. Я обернулась через плечо и скользнула взглядом на пьедестал с двумя нитями.

Нити загадочно горели мне в спину.

“Я вас запомнила”, — почему-то сказала я им мысленно.

“И мы тебя”, — почему-то послышалось мне в ответ.

Мы пошли по длинной галерее, которая постепенно и плавно изгибалась внутрь, к центру убежища. По обе стороны в стенах прорастали тонкие ветви молодых древ-носителей, и в их листьях, как капли росы, висели маленькие кристаллики: голубые, лиловые и прозрачные. Я прикоснулась кончиками пальцев к одному из листьев. От каждого тянулась тонкая светящаяся нить обратно в стену, и та в этом месте слегка светилась изнутри. Галерея закончилась широкой аркой, и за ней открылась сердцевина.

Впервые за этот оборот я остановилась не от красоты, а от невероятного масштаба этого пространства.

— Вы ведь зовёте это сердцевиной?

— Верно... — Вивиен взглянула на меня с мягким удивлением, в котором сквозило искреннее восхищение. — А ты неплохо осведомлена для нефилима, который ни разу не был в Астрионе.

— Это всё благодаря Гелиону. Каждой крупичей своих знаний я обязана ему.

Мимолётная тоска охватила моё сознание. Пусть я больше не терзалась вопросами, куда исчез мой наставник, мне всё же хотелось знать, что с ним всё в порядке.

Огромное древо-сердце поднималось из самого центра круглого зала. Ствол его был толщиной в семь моих обхватов, а может, и больше. Кора — тёмная, бархатистая, с серебристыми прожилками: точно такими же, что я видела на кристаллах, стенах и полу. Корни выходили из земли узлами и расходились по полу живыми жилами. На них лежали небольшие кристаллы, и от каждого тянулась тонкая светящаяся нить обратно к стволу дерева. Крона уходила наверх, в кристаллические купола, через которые лился свет звезды — разноцветный, прошедший сквозь кристаллы. От этого по полу разбегались мягкие пятна янтаря, аметиста и розового золота.

Вокруг ствола, у самых корней, был выложен сложный узор: круги, переходящие в круги; сигилы, переходящие в сигилы. Я насчитала три полных контура, прежде чем поняла, что больше не успеваю.

А прямо у дерева, на круглой каменной платформе, поднятой над полом на три ступени, сидели четверо.

Платформа была невысокая. На полу, у изогнутого стола из тёмного дерева, лежали подушки. На столе были расставлены глиняные чаши с чем-то горячим, плоский поднос с лепёшками и какие-то светлые ягоды в небольшом блюде. Кто-то из них только что смеялся, и я успела поймать самый хвост этого смеха: тёплый, мужской.

Затем все четверо повернулись к арке одновременно.

Все четверо.

На меня.

Я резко сжала пальцы в кулак. Обмотка на запястье натянулась, и сигил под ней слабо моргнул — то ли отозвался на мою тревогу, то ли просто решил, что сейчас самое время.

“Спина прямая, Рори. Подбородок ровно. Это не суд, а всего лишь знакомство”.

— Идём, — Вивиен мягко подтолкнула меня под локоть, и в её голосе слышалось скрытое веселье. — Самое страшное — это первые мгновения, дальше будет легче.

— А если не будет?

— Тогда я тебя вытащу. Обещаю.

Я бросила на неё короткий, благодарный взгляд и поняла, что Вивиен, между прочим, только что дала мне хоть и маленькую, но очень ценную вещь — обещание помощи. Для меня это много значило.

Мы поднялись на платформу.

— Так вот она какая, — выдохнул первый: мужчина с ярко-голубыми глазами и иссиня-чёрными волосами, забранными в низкий пучок. Он сидел, развалившись на подушке, с чашкой в одной руке и ягодой в другой, и смотрел на меня без всякого приличия: прямо, оценивающе, с насмешливой улыбкой в уголках рта. — А я-то думал, Дэниель преувеличивает.

— Я никогда не преувеличиваю, — отозвался Дэниель из дальнего угла платформы. Он сидел спокойно, ровно, с чашкой в руках, и при виде меня его лицо смягчилось тёплой, узнающей улыбкой. — Доброй звезды, Аврора.

— Доброй, Дэниель. — Я приветственно кивнула в ответ. После его улыбки мне на мгновение стало легче. Я уже понимала: этот нефилим у меня в Астрионе будет вроде якоря — единственным, рядом с кем не нужно ничего доказывать.

Я посмотрела на этого синеглазого. Эльтár... Клан я узнала с первого взгляда — у меня было множество циклов на изучение Лорена в малом зале. Этот был моложе старейшины и куда живее. Волосы иссиня-чёрные, гладкие, как тёмная вода, забранные назад в тугий хвост ниже лопаток: Эльтár не стригут волосы, у них это как-то связано с псионическим полем. Глаза

голубые, с фирменным замораживающим взглядом клана поляризма, от которого собеседник всегда чуть-чуть отступает, даже если не понимает, почему.

— Я Габриель. — Он не встал, не наклонил голову, только небрежно повёл подбородком в мою сторону, в том самом эльтарском жесте, которым они, кажется, заменяли половину приветствий. — Эльтár. И, на всякий случай, самый острый язык этого убежища, что ты уже, наверное, успела заметить. — Лицо у него было из тех, к которому я с подросткового возраста относилась с подозрением: красивое, чуть насмешливое, с готовой улыбкой в уголках. И эта улыбка явно знала, что она неотразима.

Уголок его рта дёрнулся.

— Аврора, — я подняла подбородок, выдерживая его взгляд. — Эсдери. Без клана. Очень рада знакомству.

— О, — Габриель отставил чашку и приложил ладонь к груди, изображая лёгкое потрясение. — Какая официальность. Дэниель, ты слышал? Очень рада знакомству. Это, по-моему, первый раз за полцикла, когда в этом зале звучит фраза с настоящими манерами.

— У некоторых из нас они хотя бы есть, — сухо отозвался Дэниель. — Не у всех.

Где-то слева тихо рассмеялась женщина.

Я перевела взгляд.

Она сидела чуть в стороне от Габриеля, на отдельной подушке, и лицо у неё было тем самым — надменным, которое я отметила сразу, как только увидела его с другого конца зала. Очень красивое. Узкое, точёное, с тонкой дугой бровей и зелёными глазами, в которых сейчас не было ни капли той теплоты, что мне уже досталась от Вивиен и Дэниеля. Тёмные волосы заплетены в высокий узел, несколько прядей выбились у висков. На ней была лёгкая тренировочная одежда: тёмно-зелёная, без знаков клана, но я помнила, что этот оттенок носят Вивьяр. При виде меня её рука с чашкой резко замерла на месте.

Потом продолжила движение, но медленнее.

— Так это и есть та, ради которой Максимилиан встал затемно, — произнесла она, и голос её был полон презрения. Низкий и очень опасный.

— Лира, — тихо прозвучал предостерегающий голос Вивиен.

— Что? Я просто констатирую.

— Ты не просто констатируешь.

— Ви, — эта девица перевела взгляд на Вивиен, и в её улыбке появилась лёгкая, ядовитая мягкость, — ты, конечно, у нас старшая сестра, и я тебя очень люблю, но не учи меня, как разговаривать с чужаками в моём убежище.

“Чужаками, — мысленно отметила я. — Принято к сведению”.

Я спокойно повернулась к Лире всем корпусом.

“Не торопись, Рори, — сказала я себе. — Эта порода тебе знакома. Она не первая и не последняя”

— Лира, я полагаю? — Я улыбнулась ей с той же мягкостью, с какой моя мать улыбалась тем посетителям, которые приходили к нам в дом не за лечением, а чтобы доставить хлопот. — Приятно, когда тебя встречают с таким... энтузиазмом. Сразу чувствуется изысканное гостеприимство нефилимов! — натянуто и с таким же приторным оттенком ответила я.

Габриель за её плечом издал звук, очень похожий на сдержанный смех.

Лира на него не повернулась. Она по-прежнему слишком внимательно смотрела на меня.

— Скажи, Аврора, — она сделала маленькую паузу, и я поняла, что сейчас будет первый укол, — а ты до сегодняшнего оборота хоть раз бывала внутри нефилимского убежища? Или для тебя всё это, — она лениво повела рукой, обнимая сердцевину, древо и кристаллы, — большое открытие?

“Спокойно, Рори”.

— Большое открытие, — отозвалась я честно. — Меня в детстве не приняли в кланы. Я о ваших убежищах знала по книгам.

— А, — Лира улыбнулась шире, — точно. Я забыла. Ты же тот самый изгой, которую старейшины...

Слово ударило раньше, чем она договорила. *Изгой...* Я не позволила лицу дрогнуть, но что-то внутри всё же сжалось.

— Лира, — прозвучал тихий, но очень строгий голос Дэниеля.

Она недовольно повернула голову к нему:

— Что, Дэниель?

— Хватит.

— Я ничего не...

— Достаточно, — повторил он, и в этот раз в голосе появилась та самая кондарская сталь, от которой в прошлый оборот вздрогнули старейшины в малом зале. — Она тут на условиях Максимилиана. Это значит — на наших условиях. Если у тебя есть вопросы, — он сделал короткий жест в сторону платформы, — задай их нашему предводителю.

Лира смотрела на него долгое мгновение. Потом медленно перевела оценивающий взгляд на меня и очень мило мне улыбнулась.

— Прошу прощения, — улыбка не сошла с её лица, но глаза остались холодными. — Я не хотела показаться невежливой. Это от волнения.

На один короткий удар сердца в воздухе между нашими взглядами застыли крупинки пыли.

“Ну, — мысленно сказала я ей, — посмотрим, кто кого здесь больше на нерве удержит”.

“Ты тут ненадолго”, — также мысленно ответила мне Лира.

“Я в курсе”.

Где-то слева Габриель тихо хмыкнул в кулак.

И в этот миг у другого края платформы, который я почему-то до этого момента не замечала, поднялся четвёртый.

Я повернула голову.

Он был высоким. Не такой высокий, как Максимилиан, но выше Габриеля. Узкий в плечах. Волосы кучерявые, тёмно-каштановые, с лёгким медным отливом, забранные в свободный низкий хвост. Глаза серо-зелёные, тёплые, с густыми ресницами. Лицо открытое, с чёткой линией челюсти, с серьгой в одном ухе и с маленькой ямочкой у уголка рта, которая, — мгновенно поняла я, — проявлялась только, когда он улыбался.

Сейчас он улыбался мне.

Очень небрежно.

— Здравствуй, — голос его оказался неожиданно низким, но мягким, с ленивой теплотой. — Я Каэль. Кондár. Пожалуй, никогда прежде мне не доводилось встречать настолько красивую девушку. — Он едва заметно облизнул верхнюю губу.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Рори, — произнесла я машинально, и тут же поняла, что только что ляпнула.

“Рори?! Меня же так только семья называет да Илани! Хаос его подери!”

— Значит, Рори... — Каэль кивнул, будто пробуя моё имя на вкус.

Его улыбка стала шире, и на щеке обозначилась ямочка. Я мысленно отметила, что это оружие, которым Каэль явно умеет пользоваться, потому что, кажется, сейчас он опробовал его на мне вполне осознанно и на полную мощность.

— Я с самого рассвета звезды о тебе слышу. Сначала от Дэниеля, потом от Вивиен. Решил, что пора познакомиться лично, пока меня не опередил кто-нибудь менее очаровательный.

Лира за его плечом ощутимо напряглась.

Каэль смотрел на меня, не отрываясь, и эта улыбка обволакивала меня тёплой, плотной волной, да так, что у меня под рёбрами всё сжималось.

— Ты холодная шпионка, помни об этом. Всё это не входило в планы”.

— Ты из тех нефилимов, — я выровняла голос и подняла бровь, — у которых через каждое второе слово проскакивает “очаровательный”?

— Только когда есть повод.

— А поводы бывают часто? — Я прищурилась.

— Сегодня — впервые за десять циклов.

Где-то на платформе Габриель издал звук, который при большом желании можно было принять за кашель или сдавленный смех. Лира же посмотрела на него так, что я мысленно похоронила Габриеля.

Дэниель тихо вздохнул и прикрыл глаза — я уже знала, что у него это означает что-то вроде: “Плетение, дай мне терпения”.

— Каэль, — он закатил глаза.

— Что, Дэниель?

— Ты её только что увидел.

— И уже знаю, что она — лучшая часть моего цикла. — Каэль расплылся в лукавой улыбке.

Я не выдержала.

У меня вышел короткий, тихий смех, больше похожий на фыркание. Но всё же это был смех. Я не хотела смеяться: это совершенно не входило в мой холодный и расчётливый шпионский план. Но Каэль с Дэниелем пикировались так слаженно, словно оттачивали эту сцену уже элионы раз, и я просто не смогла удержать лицо.

Каэль повернулся ко мне с выражением охотника, углядевшего редкого зверя, который наконец вышел из чащи.

— О, — добавил он мягко. — Ты смеёшься. Это отличный знак.

— Это рефлекс, — поправила я, стараясь вернуть себе невозмутимый вид.

— Рефлекс — это тоже знак.

— Каэль, дорогой, — Вивиен спокойно вмешалась, и в её голосе появилась та лёгкая властная нота, от которой Максимилиан совсем недавно потерял дар речи, — отойди-ка от неё на полшага.

— Ви, ну ты чего...

— На полшага. Прямо сейчас. — Это был приказ, никак иначе.

Каэль вздохнул преувеличенно демонстративно, с той же ленивой теплотой. Но всё же отошёл на полшага.

— Видишь? — подмигнул он мне. — Я послушный.

— Когда хочешь, — как бы невзначай заметила я.

Флиртовать в ответ явно не входило в мои планы. Я сама удивилась, с какой лёгкостью у меня выходят реплики рядом с ним. Обычно у меня так не получалось ни с кем. С Илани — да. С Гелионом — было, пока он не исчез. С отцом иногда. Со всеми остальными — никогда. А с этим Каэлем у меня строился диалог, как по маслу, и это насторожило сильнее всего.

Я повернулась к Дэниелю, намеренно смещая Каэля с фокуса внимания.

— Дэниель... Илани? Что она передала?

На его лице расцвела тёплая улыбка.

— Илани, — приподнял он бровь, — это отдельная боевая единица. Я с ней разговаривал весь рассвет, пытаюсь убедить, что с тобой всё в порядке. Она пыталась прорваться сюда лично, а я объяснял, почему этого делать не стоит. Подруга передаёт тебе, цитирую: “Я тебя однозначно убью, когда вернёшься, моя Рори, и ты сама это всецело заслужила! А ещё я люблю тебя”.

Я рассмеялась. Моя Илани, мой лучик света... От её слов моей искре мгновенно стало легче.

— Это очень в её духе.

— Я так и понял. — Дэниель чуть наклонил голову. — А твоя мать просто кивнула, налила мне отвара и сказала: “Передай моей дочери, чтобы вернулась живой”.

— Это тоже в её духе.

В этой его улыбке было столько простой, доброй теплоты, что я посмотрела на него с самой искренней благодарностью.

— Спасибо, Дэниель.

Каэль, который всё это время стоял с той же ленивой улыбкой чуть в стороне, мягко вмешался:

— Дэниель, ты, кажется, занимаешь моё место. Смотри, я так и приревновать могу.

— Каэль, уймись уже! — смеясь, отмахнулся Дэниель.

Лира за их спинами резко выдохнула через нос, и впервые за всё это время на её лице появилась спокойная улыбка.

В воздухе между всеми нами натянулась невидимая, но плотная, как тетива, нить. Я очень ясно поняла, что это будет весело... очень весело.

— Так, — Вивиен мягко взяла меня под локоть, и в её голосе снова проступила властная нота, — на сегодня знакомства окончены. Каэль, я тебя обожаю, но если ты сейчас не отойдёшь и не сядешь обратно к чаше, я тебя вылечу от чего-нибудь, чем ты не болен. Лира, у тебя скоро тренировка с группой младших, иди разминайся. Габриель, ты, я знаю, сидишь тут специально, чтобы досмотреть представление, так что иди досматривай его в другом месте. Дэниель, спасибо: ты единственный благоразумный нефилим из всех этих.

Габриель за её спиной откровенно засмеялся. Лира поднялась медленно и изящно, демонстративно покидая платформу. Каэль чуть наклонил голову:

— До скорого, красотка. Я буду тебя искать, — его взгляд нарочито метнулся к моим губам.

— До скорого, Каэль. Я в этом даже не сомневаюсь.

Дэниель остался.

— Аврора.

— Да?

Он встал и неторопливо подошёл ближе.

— Если что-то, — он отозвался тихо, — что угодно... найди меня. Я в Астрионе чаще всего в тренировочном крыле, во второй сердцевине у дальнего корня. Или спроси Вивиен. Она всегда знает, где я. Поняла?

“Этот нефилим — единственный, помимо Вивиен, кто относится ко мне как к своей”.

— Поняла. Спасибо тебе, Дэниель.

Он чуть наклонил голову и ушёл.

Габриель продолжал сидеть на подушке, с чашкой в одной руке и ягодой в другой, и смотрел на меня с тем же холодноватым любопытством, с каким смотрел с самого начала.

— А ты, Габриель? — Вивиен прищурилась.

— Сперва небольшое предупреждение, — он аккуратно отставил чашу, встал и медленно подошёл вплотную. Воздух вокруг него тут же уплотнился. Он перевёл взгляд на меня, отчего я знатно напрягалась всем своим телом.

— Для ясности: — он задержал на мне тяжёлый взгляд. — видеть я тебя здесь не рад, я тебя не знаю и уж точно не доверяю. И я искренне не понимаю, зачем Максимилиан тебя сюда привёл.

Я выдержала его взгляд.

“Не дёргайся, Рори”.

— Максимилиан мне как брат, — на этот раз Габриель прищурился, и в его голосе, впервые за всё время, не было ни капли насмешки. — Я за него отвечаю своей искрой, а он, в свою очередь, отвечает за меня. И если он поднялся затемно и ушёл в Закатный лес, взяв с собой Дэниеля, а вернулся с тобой, то у меня к этому очень много вопросов. Не думай, что ты так просто останешься без надзора в моём собственном доме.

Он помолчал.

— И если я увижу, что что-то идёт не так... — Голос стал угрожающим в своей хрипоте. Я смиренно молчала. Знать продолжение мне явно не хотелось. Потому я медленно кивнула. На его лице на мгновение что-то дрогнуло.

Он отвернулся к дереву, и в его профиле ясно читалось: разговор окончен.

Вивиен рядом со мной напряженно выдохнула. И, не глядя на меня, коснулась тёплой ладонью моего локтя:

— Идём. На сегодня хватит. Я отведу тебя в твой модуль.

Глава 4

Свет, разгораясь, отбросил тень, и тень оказалась живой. Так родилась Андермония — глубинный полюс мироздания, и народ её, носящий тьму в самой крови. Древние не стали гасить её: “Не бывает вдоха без выдоха” — сказали они и натянули между двумя полюсами Великое Плетение, как струну между двух рук. Тьма знала свою меру тысячи и тысячи циклов.

*Об этом теперь трудно помнить
— и оттого важнее записать.
— Крононианские хроники. Свиток второй:
“О Равновесии”*

— Они не плохие, правда... Лишь остерегаются незнакомцев, да и новички редко приходят в Астрион... — В голосе Вивиен звучало столько сожаления и стыда за своих друзей, что даже мне захотелось её обнять. — Мы все... мы все росли практически бок о бок, и это сделало нас семьёй. Габриель не хотел грубить, он лишь излишне защищает Максимилиана и следует за ним беспрекословно. А Лира... — Ви нервно тербила пальцами рук. — Ты уж прости их...

— Всё в порядке, тебе не за что просить прощения. Я не расстроилась, правда. — Успокойте её было единственным, что я могла сделать.

Мы вышли из сердцевины через противоположную арку — не ту, через которую вошли. Вивиен вела меня уверенно, и я отметила, что у неё в Астрионе, видимо, был выработанный маршрут. Она вела меня так, чтобы по дороге у нас было поменьше встреч, за что я была ей очень благодарна.

В груди после знакомства всё ещё стояла лёгкая, звонкая дрожь истощения. У меня в Эли'Нáрии за неделю столько подтекстов не накапливалось, сколько я успела впитать за пол-оборота²⁰ в сердцевине. Лира с её ядом. Габриель с его обещанием следить за мной. Каэль с его ямочкой и взглядом, которым он облизывал меня, не утруждая себя приличиями. Дэниель — единственный, рядом с кем мне было легко.

И Максимилиан, которого не было.

Он не пришёл в сердцевину. Не зашёл проверить, как я устроилась. Он ушёл, оставив меня на Вивиен, и в этом было гораздо больше смыслов, чем я поняла в первые мгновения здесь. Он не стал делать вид, что рад мне. Не стал играть в любезного хозяина. Он завёл меня внутрь, отдал на руки той единственной, которой доверял, и исчез.

И почему-то меня это задело сильнее, чем если бы он остался и продолжал называть меня Искоркой.

“Хватит, Рори, — мысленно вправила я себе мозги. — Перестань о нём думать. Он не входит в твой план. Он — препятствие, которое тебе достаточно обойти, чтобы получить доступ к тому, ради чего ты тут находишься. Не больше”.

Мы прошли по длинной плавной галерее, по обе стороны которой сквозь стены прорастали тонкие ветви молодых древ-носителей. В их листьях, как капли росы, висели маленькие кристаллики.

Я сделала пару шагов молча, а потом всё-таки спросила:

— Ви, — я набрала воздуха. — Можно один странный вопрос?

Она вопросительно подняла брови. Я подбирала слова целую меру дыхания. И почему меня вообще волновал этот вопрос?

²⁰ пол-оборота — половина суток.

— Ты и Максимилиан...

Договорить мне не дали. Вивиен расхохоталась так искренне, словно уже знала продолжение. Она резко приблизилась, схватила меня обеими руками за плечи, заглянула в лицо и снова рассмеялась.

— Что ты, милая... — выдохнула она, и в её глубоких бирюзовых глазах стояло столько искреннего, тёплого, почти материнского веселья, что я мгновенно почувствовала, как у меня по щекам разливается жар. — Максимилиан мне как младший брат. Он самый родной мне нефилим после моей сестры Лори. Мы с детства заботимся друг о друге и оберегаем. И никогда... Никогда не было даже намёка на что-то большее. Никогда! К тому же, моё сердце давно занято.

Она ещё мгновение держала меня за плечи, заглядывая в лицо, словно хотела убедиться, что я услышала её всем телом, а не только ушами. Потом мягко отпустила.

— Святые нити, — она покачала головой, всё ещё улыбаясь. — Я не ожидала, что у тебя этот вопрос созреет так быстро.

— Я просто наблюдательна, — я нервно заправила пряди за уши, изо всех сил стараясь держать лицо. — Он так искренне тебе улыбался, что я подумала... Сама не знаю, что подумала и на кой хаос я вообще это спросила.

Мы пошли дальше.

“Ладно, — мысленно сказала я себе. — Ладно, Рори. Между ними ничего нет. Это, конечно, ничего не меняет. У тебя в плане Максимилиан всё равно остаётся препятствием. Просто для протокола. Отмечено”.

И тут же другая мысль — тихая, как нитка, выползшая из шва:

“А с этой Лирой у них что-то есть?”

Я мгновенно сжала зубы.

“А мне-то что? — мысленно одёрнула я себя. — Мне-то какая разница? Святая Итира! Рори, ты в его убежище всего меру дыхания, а у тебя уже в голове вопросы, совать нос в которые тебе никто не разрешал. Это вообще не твоя территория. Соberись!”

Но Вивиен шла рядом, и она была источником, из которого можно было пить, пока он сам не закрылся. И я очень хорошо это понимала. Поэтому я свернула вопрос в другую сторону. Не личную, а тактическую.

— А почему на меня так взъелась Лира?

Вивиен бросила на меня короткий взгляд сбоку. Снова с той осторожной, видящей улыбкой, от которой у меня уже начинало гудеть в висках.

— Лира всегда была влюблена в Милиана. Сколько я её помню, столько и влюблена. Это не секрет, в Астрионе это знают все, кроме него самого, потому что он либо очень слепой, либо очень умело делает вид, что слепой. А с тобой он сегодня провёл больше времени, чем с ней за весь прошлый цикл.

Я остановилась.

“Прекрасно, — мысленно отметила я. — Я тут всего пол-оборота, а у меня уже личный враг. У меня в Эли'Нáрии за двадцать четыре цикла столько не накопилось”.

— Они росли рядом. Их матери были близки. Все ожидали, что у них образуется союз в будущем. Лира до сих пор ждёт. Максимилиан никогда не думал об этом. Даже несмотря на их юную близость, у них однозначно нет шансов на продолжение. Он её уважает, ценит в бою и готов доверить ей прикрывать свою спину. Но на этом всё, она это прекрасно знает. И именно поэтому Лира смотрела на тебя так, как она смотрела. Великое плетение знает, что делает.

Я коротко выдохнула. Звонящее напряжение у меня под рёбрами резко отпустило. Я не хотела, чтобы это было важно для меня настолько, чтобы чувствовать такое облегчение. И уж точно не хотела, чтобы Вивиен это заметила.

— Лира не злая, Аврора. Она преданная. А преданность иногда страшнее злости. Просто имей это в виду.

Я кивнула.

Мы прошли ещё несколько шагов в молчании. Я чувствовала, как Вивиен на меня посматривает с тем особым вниманием, которое было у неё, видимо, профессиональным.

— А ты не на шутку его вывела из себя... — Влетело мне прямо в голову. Лицо у Вивиен было совершенно серьёзным, и я мгновенно поняла, что она это говорит не ради красного словца. — Я знаю Милиана с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать циклов. Я видела его в драке, в трауре, при самых тяжёлых решениях клана — в моменты, когда даже у меня слёзы наворачивались, а его лицо оставалось словно каменным. Я видела его раздражённым лишь пару раз за все эти циклы.

Она ненадолго взяла паузу, словно ушла внутрь своих воспоминаний.

— А прошлой тёмной фазой он зашёл ко мне и жаловался на твой дикий нрав почти до самого оборота звезды.

— Жаловался?

— О, ещё как, — она покачала головой. — Что ты ему дерзишь. Что ты в Доме Совета сидела в вентиляции. И как ты Атауру нагрубила. Что у тебя: *“нрав, с которым я не знаю, что делать”* — это, по-моему, прямая цитата. Что ты ни одну фразу не оставляешь без ответа. И, что самое страшное для Милиана, ты смотришь ему прямо в глаза без всякого почтения. И это, кажется, привело его в больший ужас, чем все семь разломов вместе взятые.

Я очень долго молчала.

— Если у предводителя есть жалобы, пусть жалуется. Я сюда пришла не на смотрины. У меня свои причины здесь быть, и они с Максимилианом не пересекаются.

Я дышала. Получалось скверно. Признаюсь, её откровение застало меня врасплох.

Вивиен смотрела на меня с понимающей улыбкой. Но при этом чувствовалось, что она видит больше, чем говорит. Альяр — провидцы, наверняка она считывает меня и мои намерения.

— Милая, — она мягко улыбнулась. — Это будет очень сложное обещание.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи в Аураэон с тобой не считаются. У них есть свой план. И иногда они записывают тебя в него, не спрашивая.

Я не ответила.

Мы вышли из галереи. Перед нами раскрылся длинный открытый коридор с жилыми модулями по обе стороны. У дверей светились кристаллические пластины, и каждая горела своим оттенком: бирюзовым, серо-каменным, индиго, рубиновым, медным или чистым серебром. В самом конце коридора, отдельно от остальных, стояла дверь — чуть выше других, на полпальца.

Янтарная.

— Это твой модуль, — мягко отозвалась Вивиен. — Идём, я покажу.

Дверь открылась под ладонью Вивиен, и она шагнула внутрь первой, бросая мне через плечо:

— Прости, но мне нужно будет тебя оставить. Я ещё должна отвести детей к Илиасу и успеть в коммуникационный зал. Так что я тебе всё тут быстро покажу, а чуть позже, если не будешь уставшей, можем вновь увидаться у костра.

Я переступила порог.

Свет, бежевые стены, древо-носитель в углу, от которого тянутся вверх ветки, широкое округлое ложе, шкаф, сиденье у окна — всё это пронеслось у меня перед глазами, не успев как следует уложиться в голову. Вивиен уже шла дальше, на ходу указывая ладонью то на одну, то на другую часть модуля.

— Вон там, за лёгкой занавесью, купальня. Родниковая вода идёт сама, перекрывать ничего не надо — она знает, когда нужно остановиться. Травы для купели стоят на полке, выбирай по нюху: всё эсдерийское, знакомое тебе. Шкаф, — она на ходу распахнула обе створки, не задерживаясь. — Ещё с фазы рассвета, как только Дэниель сказал, что вы идёте в Астрион, я подобрала тебе одежду на скорую руку. Боевая броня Кондэр: лёгкая, тренировочная, должна подойти тебе по размеру. Я мерила на глаз, но если не подойдет, мы сможем заменить. Ещё здесь есть несколько нефилимских костюмов, бельё и сорочки для сна. — Она закрыла створки. — Это всё на первое время. Остальное соберём чуть попозже.

— Ви, спасибо, — вырвалось у меня искренне, раньше, чем я успела это сдержать.

Она остановилась у кровати.

И только теперь я заметила, что на покрывале лежит тёмно-коричневое сложенное платье с серебристыми нитями, идущими по ткани вертикально, словно жилки на листе. К нему прилагался маленький сложенный лист пергамента с серебристой каймой по краю.

Вивиен указала на платье ладонью, не прикасаясь к нему:

— А вот это я не подбирала. Видимо, прислали недавно, пока мы были в сердцевине. Записка сверху, — она мельком посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то весёлое. — Думаю, это от Милиана.

Я медленно подошла к кровати.

Платье лежало так, будто его очень аккуратно складывали, тщательно разглаживая каждую складку. Я провела ладонью над тканью, не касаясь.

Это были его цвета.

“Рори. Это просто ткань”.

Я взяла записку.

“Чтобы было что-то под стать Искорке. М.”

Я очень долго смотрела на эту строчку.

“Этот мужчина невыносим, — мысленно сказала я себе. — Прислал мне платье с запиской, где назвал меня прозвищем, против которого я возражаю ещё с прошлого оборота звезды”.

“Это, Рори, — отозвался у меня в голове другой голос, очень похожий на Илани, — точно флирт”.

“Заткнись, Илани”.

Вивиен у двери мягко прокашлялась.

— Я тебя оставлю. У тебя ещё, — она бросила взгляд за окно, прикидывая время, — треть оборота на отдых.

Я подняла голову.

— Что бы ты ни выбрала из одежды, — Вивиен мягко улыбнулась, — выбирай сама. Никто тебя не заставляет надевать здесь что-то определённое. У Милиана будут другие поводы для разговора, кроме того, в чём ты пришла.

Дверь за ней мягко закрылась.

Я осталась одна в тишине нефилимского модуля, с платьем на кровати и запиской в руке.

Купальня встретила меня мягким светом и едва слышным журчанием воды. Задержавшись у порога всего на мгновение, я принялась на ходу раздеваться: ничто больше не могло удержать меня от желания оказаться в этой воде. Дорожное платье упало на низкую скамью у стены, следом полетели обмотки с запястий. Я перешагнула через бортик каменной чаши и медленно погрузилась в горячую воду, которая была мне жизненно необходима.

Травы, что я нашла на полке возле купели, были подобраны очень мудро: лунный иссан для сна, серебряный варан для расслабления мышц, тонкая щепотка корня терры, чтобы снять остаточный жар. Кто бы это ни собирал, он знал своё дело. Я бросила в воду всего понемногу. Пар надо мной мягко загустел, наполняя пространство тёплым травяным запахом — таким родным, что у меня под рёбрами разлилось долгожданное умиротворение.

Я нырнула под воду с головой, смывая с себя напряжение последних двух оборотов.

Всего два оборота звезды... За которые я успела попасть в малый зал Совета, нагрузить предводителю Кондάρ, проснуться раньше Илани, забрести в Закатный лес, следуя за собственной своенравной рукой, поднять у разлома нить, которой не должно было быть, оказаться в Астрионе, познакомиться с пятью разными нефилимами, обрести личного врага, личного защитника, личного обольстителя и одну женщину, которая видит меня насквозь, но при этом остаётся со мной мила. Два оборота... За двадцать четыре цикла в Эли'Нарии моя жизнь не была столь насыщенной, как за это короткое время.

Как же я устала.

Я протяжно выдохнула под водой ровной струёй пузырей. Медленно вынырнув, села спиной к гладкому камню чаши и запрокинула голову. С потолка свисали плетёные янтарные лампы. Через выгнутые окна лился закатный золотой свет с красными отблесками. Звезда садилась.

Я слышала, как где-то вдали приглушённо, на грани слышимости, играет музыка. Какой-то струнный инструмент, а поверх него звучал женский голос, поющий что-то медленное, без слов. К девушке на мгновение присоединился тёплый мужской смех.

В груди, совершенно неожиданно для меня самой, что-то очень тихо качнулось навстречу этому звуку. Не та холодная шпионская расчётливость, с которой я заходила в Астрион.

Любовь.

Всеобъемлющая, светлая, тихая любовь, которая, в принципе, не имела у меня права на существование. Я не понимала, откуда она во мне взялась. Этих нефилимов я видела сегодня впервые. Их голоса и музыка мне были незнакомы. Их огонь ещё никогда не зажигался для меня. Но всё во мне отзывалось так, будто я была здесь уже множество раз.

Ещё никогда я не была так долго среди своих. И это ощущение сбивало с толку до головокружения. Я в Эли'Нарии прожила всю свою жизнь и не была там своей ни одного оборота. А здесь стены Астриона признали меня быстрее, чем собственный сад в родительском доме.

“Аврора, — действительно напомнила я себе, — это не твоё, это ложное ощущение. Ты здесь за ответами. У тебя нет права привязываться к этим нефилимам. У них своя жизнь, у тебя своя. Не дай этой воде сделать с тобой то, что она делает”.

Я опустила голову обратно на камень и закрыла глаза.

И тут же вода будто сама подняла на поверхность мысль, которую я старательно держала глубоко внутри себя. У меня перед глазами встало платье.

Тёмно-коричневое. С серебряными нитями.

И эта записка, чтоб меня в хаос! Эта одна-единственная строчка, написанная угловатым почерком: *“Чтобы было что-то под стать Искорке. М.”*

“Да как он вообще посмел прислать мне платье? — отозвалось во мне неожиданно громко. — Он на восходе звезды тащил меня из разлома, как мешок с травой, потом сдал на руки Вивиен и ушёл по своим делам не оглянувшись, а потом прислал мне в комнату платье, как будто я ему уже что-то должна. Кем он себя возомнил? Даже Кай не позволял себе таких выходов”.

Я глубоко выдохнула. Вода вокруг меня коротко полыхнула серебром, отзывавшись на эмоцию, но я почти не удивилась этому.

И, чтоб провалиться этому Дому Совета вместе со всеми его старейшинами, я уже знала, что надена именно это платье.

Потому что одно дело — выйти к огню в платье, которое тебе прислал предводитель Кондър. Совсем другое — выйти в нём так, чтобы у предводителя точно и бесповоротно перехватило дыхание, и, чтоб его в хаос, он понял, что прислал его зря.

“Это, Рори, — отозвался у меня в голове голос Илани, — называется месть”.

“Это называется преподавать урок”, — спокойно ответила я.

Я в последний раз нырнула в воду с головой, задержав дыхание на столько, насколько могла, и медленно поднялась, сбрасывая с себя всё напряжение, накопленное за этот оборот. Вода стекала по лицу, плечам и ключицам. Травы пахли мягко и спокойно. Музыка за стенами стала звучать чуть громче

Выйдя из чаши, я завернулась в широкое мягкое полотенце, которое лежало в нише у входа, и пошла обратно в спальню.

“Ну что ж, ваше предводительство, поиграем!”

К костру я вышла, когда звезда уже опустилась за гряды.

Каменная дорожка вывела меня из жилого крыла Астриона в открытый внутренний двор: большой, круглый, выложенный плоскими светлыми плитами. В центре двора в широкой каменной чаше горел огонь с длинными языками пламени, которые поднимались выше моего роста и танцевали против тёмного звёздного неба. Вокруг чаши стояли низкие плетёные скамьи, на полу лежали подушки. Нефилимов здесь было гораздо больше, чем я видела за весь этот цикл.

Кто-то играл на низком струнном инструменте с тёплым звучанием — я не знала названия. Женщина с золотой косой, которая сидела ближе всех к огню, напевала мелодию. Где-то сбоку смеялись двое мужчин. У всех нефилимов в руках были чаши, в которых плескалась янтарная жидкость, ловящая свет огня.

Я остановилась на самом краю мощёной площади, и впервые за этот цикл мне стало по-настоящему хорошо. Внутри меня что-то очень тихо отозвалось на этот свет, запах костра, музыку, и я ничего не могла с этим сделать.

“Не привыкай, Рори”.

“Помню”.

Я сделала шаг, и на меня тут же обернулись.

По двору очень коротко пробежала негромкая волна, как круги по воде, когда в неё бросают камень. Я почувствовала это эхо взглядов на коже и знала, что всему виной... платье.

Моё одеяние делало своё дело. Я знала это с того мгновения, как застегнула последнюю серебряную застёжку на груди. Тёмно-коричневая ткань легла мне по фигуре так, словно платье шили специально для меня: узкое в плечах и в талии, мягкое на бёдрах, длинное до самого пола. Серебряные нити шли по нему вертикально, как жилы, и сейчас, в свете костра, они мерцали мягким золотом, потому что отражали огонь, а не звезду. С плеч у меня сходил глубокий вырез по спине до самой поясницы. Это было нефилимское решение по умолчанию: спереди больше прикрыто, сзади открыто, потому что нефилиму важнее всего держать осанку.

Волосы я заплела заново. Толстую косу перекинула через плечо вперёд, и две выбившиеся пряди у лица оставила распущенными: рыжую и белую. Так, чтобы он сразу понял, кого видит.

Максимилиан стоял с другой стороны костра в том самом светлом камзоле с серебряными нитями, в котором я увидела его впервые в Доме Совета. Сигилы у него на висках светились не серебром, а тёплым золотом. Волосы лежали привычно зачёсанными назад, открывая высокий лоб и выбритые виски. Лицо непроницаемое, но он не сводил с меня взгляда.

Он стоял с чашей в руке, которая едва заметно качнулась при виде меня. Я тут же улыбнулась вглубь себя.

“Зря ты мне его прислал... очень зря”.

Рядом с ним хихикала Лира и что-то говорила ему вполголоса, наклонив голову. Она стояла так близко к нему, что почти касалась его плеча своим и смеялась с лёгкой, специальной грудной нотой, которую женщины используют, когда хотят, чтобы их услышали все вокруг. Я видела и слышала её: на ней было прекрасное тёмно-зелёное платье в пол с открытыми плечами, волосы были распущены, в ушах горел янтарь. Лира тоже сегодня одевалась с расчётом.

Только её расчёт не работал. Потому что Максимилиан её не слышал.

Он всё так же смотрел на меня поверх её плеча, сквозь огонь, и на его лице проступило то самое выражение, которого я весь оборот так ждала.

Поражение.

Игра, в которую он сегодня играл, прислав мне в модуль платье, была им проиграна. И он это понял.

Я не сдержалась и медленно подняла бровь.

У него слегка дёрнулся уголок рта. То ли в усмешке, то ли в чём-то куда опаснее.

Я отвела взгляд, ибо не собиралась стоять у входа и устраивать представление с предводителем через огонь. Я была тут не за этим. Я была тут... ну, по крайней мере, не только за этим.

Только я успела двинуться в обход костра к плетёной скамье, где оставалось свободное место, как почувствовала стремительное движение сзади.

Кто-то очень мягко тронул мою талию кончиками пальцев — едва-едва. От этого прикосновения по позвоночнику пробежал холодок: такой острый, что я чуть не подпрыгнула посреди двора.

Святые нити, я совсем не ожидала!

— Милая Аврора, — тёплый низкий голос у самого моего уха. — Я ждал тебя с тех пор, как начало смеркаться.

Каэль.

Я медленно обернулась. Он стоял очень близко, даже ближе, чем нужно для приветствия, но ровно настолько, чтобы я не успела отступить, не сделав это намеренно. В руке у него были две чаши: одна побольше, одна поменьше, и обе с янтарной жидкостью. Я даже не успела сообщить, как меньшая из них оказалась у меня в ладонях.

Серьга в его ухе коротко полыхнула в свете костра.

— Твоё веселье сегодня началось без меня. — Он улыбнулся той самой ямочкой на щеке. — Это, на мой взгляд, очень несправедливо. Я решил, что нужно срочно это исправить.

— Каэль, — хмыкнула я, снова приподнимая одну бровь.

“Аврора, — сказала я себе очень тихо, — этот мужчина опасен. Конечно, не в том смысле, в каком опасен Максимилиан. Этот всё же работает плавно, как тёплая вода, которая поднимается быстрее, чем ты успеваешь это заметить”.

Я знала, что Максимилиан сейчас смотрит. Чувствовала это позвоночником, но не стала поворачивать голову, чтобы проверить. Не собиралась доставлять удовольствия этим простым движением никому из них.

Янтарная жидкость внутри моей чаши в свете костра горела изнутри, как маленькое жидкое пламя. Запах был сложный: тёплый, с медовыми и древесными нотами, с лёгкой остротой по краю, какая бывает у эсдерийских настоек на ягодах горного дрейна.

— Что это?

— Это то, — Каэль очень мягко улыбнулся, — что должно быть в твоей руке в первый же оборот у нашего костра. Просто попробуй.

“Конечно, Каэль. Конечно, я просто попробую. Я же глупая зурадонка, которая ничего не видела в жизни”.

Я очень медленно поднесла чашу к губам, всё ещё раздумывая, стоит ли идти на этот риск.

— Постой, — прозвучал за спиной голос Максимилиана.

И как он только оказался рядом так быстро?

Лира осталась стоять у огня одна. Я мельком увидела её через плечо.

Максимилиан подошёл ближе к нам, достаточно спокойно протянул руку и вынул чашу из моих пальцев. Так, как вынимают что-то опасное у ребёнка, который ещё не знает, что у него в руках.

— Это, — процедил он сквозь зубы, глядя на Каэля, — хмельной нефилимский напиток. Изон. Если прежде его не пробовала, Искорка, лучше вообще воздержаться.

— Изон, — повторила я медленно. — То есть ты сейчас забрал у меня чашу из рук, потому что считаешь, что я не справлюсь даже с одним глотком?

— Я считаю, — прорычал он, наконец переводя на меня взгляд, — что у тебя сегодня и так за плечами слишком длинный оборот звезды. Я не хочу, чтобы он стал ещё длиннее.

— Какая забота, господин предводитель! — бросила я, выхватив чашу назад.

Каэль за моим плечом коротко хмыкнул.

— Дети, — ладонь его оказалась у лба, — может я пока пойду, возьму себе что-нибудь поскромнее? У меня такое чувство, что сейчас я здесь лишний.

— Останься, Каэль, — добавила я, не отводя взгляда от Максимилиана. — Тебя ведь никто не прогоняет.

— Меня прогоняет мой инстинкт самосохранения, — ответил Каэль с лёгкой улыбкой.

— Аврора, ты прекрасна. Максимилиан, ты страшен. Я лучше отойду на четыре шага.

Максимилиан вновь медленно повернул ко мне голову.

— Поставь.

— А если нет?

В его серых глазах по краю радужек резко вспыхнула серебряная нить.

— Аврора...

“Он правда считает, что этот вкрадчивый тон может меня убедить?”

Он сделал ещё полшага вперёд, сократив расстояние между нами. У меня перехватило дыхание, а сердце на мгновение пропустило удар.

Я очень не хотела, чтобы он стоял так близко и я могла чувствовать запах его камзола: холодную воду, металл и что-то свежее-травяное.

“Аврора, не сдавайся”.

Я очень медленно поднесла чашу к губам.

И сделала глоток.

Изон ударил в нёбо тёплой медовой плотностью, прошёл по горлу мягкой жидкой волной и где-то у самой грудины раскрылся коротким острым жаром. Я едва не закашлялась, но удержалась. Хоть у меня и выступили слёзы в уголках глаз, а щёки сильно вспыхнули: то ли от напитка, то ли от взгляда, прикованного ко мне.

Максимилиан тяжело выдохнул через нос, явно теряя терпение.

— Ты, верно, шутишь... — протянул он негромко, ловя на себе взгляд других нефилимов.

— Я просто хотела попробовать, — проворчала я, опуская чашу, — мой предводитель.

Каэль в четырёх шагах от нас, кажется, засмеялся в кулак.

Где-то у огня Лира смотрела на нас очень зло.

А Максимилиан стоял передо мной с очень волнующим выражением лица.

— Это платье, — заключил он, — точно под стать тебе, Искорка.

Что-то у меня в груди однозначно лопнуло.

Я не знаю, изон это был, этот его взгляд, или серебряная нить в радужке, которая в свете костра сейчас казалась золотой, или просто слишком длинный оборот звезды, за который я

успела опустошить весь свой запас холодного спокойствия, но у меня внутри что-то оборвалось, и я сделала то, чего я точно не собиралась сегодня делать.

Я подошла к нему ещё на полшага.

Так близко, что между нами помещалось только одно короткое дыхание. Так близко, что я чувствовала его тепло сквозь ткань камзола.

Так близко, что сигилы на его висках в свете костра светили мне прямо в глаза.

Я подняла голову — мне пришлось, ибо он был выше, — и сказала ему совсем тихо на ухо, так, чтобы услышал только он:

— Ещё раз назовёшь меня Искоркой, и это платье слетит следом, в это самое кострище. Не испытывай меня.

Я отстранилась.

И почему я думала, что он замрёт или его лицо станет каменным, как обычно? Думала, что он молча развернётся и уйдёт в сторону Лир.

Как же сильно я ошиблась...

Он сделал то, чего я вообще не ждала: наклонился ко мне в ответ, на ту же меру дыхания, на которую я только что приподнялась к нему сама, и, понизив голос, прошептал:

— Несносная, — отозвался он мне в висок голосом, в котором было столько жара, что я едва удержалась на ногах. — Маленькая бунтарка.

Святая Итира... Я должна была выйти отсюда победительницей, но пока у меня лишь подкашивались колени.

— Допивай, — добавил он негромко, выпрямляясь, и в его голос вернулась та самая ровность, которая у него была обычно. — Только медленно. И сядь у огня. — Уголок его рта дёрнулся. — Платье тебе действительно идёт.

Он отошёл, оставив меня полахать. Я горела и гадала, как быстро пламя моей искры спалит меня заживо.

Я стояла в одиночестве посреди двора с чашей изона в руке. Щёки полыхали, а сердце билось где-то в горле от осознания, что именно я только что сказала предводителю Кондэр... И то, как он назвал меня “несносной маленькой бунтаркой” — голосом, от которого у меня всё ещё разливался по телу жар...

“Аврора, ты влипла, — мысленно проворчала я себе. — Глубоко... и очень основательно”.

Каэль аккуратно появился сбоку от меня.

— Эй, красотка, — сказал он мягко, и в его голосе впервые за этот оборот не было флирта, — пойдём к скамье, я помогу.

Я мельком на него взглянула. Он явно меня сейчас спасал от огромнейшего нефилимского позора.

Я знала позвоночником и той самой кожей, которой я весь этот оборот звезды чувствовала Максимилиана у себя за спиной, что тот смотрит мне вслед. И что Лира всё ещё стоит у костра одна.

К скамье я добралась на ногах, которые, признаться честно, держались у меня только на чистом упрямстве. Каэль шёл рядом так, чтобы я чувствовала, что не одна, но при этом не настолько близко, чтобы кто-нибудь у огня мог подумать о нас что-то лишнее. Я мысленно отметила, что Каэль, оказывается, умеет очень тонко чувствовать, если хочет.

Чашу с изоном поставила между колен, обхватив её обеими ладонями. Жидкость внутри тихо плескалась, ловя огонь.

— Красотка, — произнёс Каэль, садясь рядом. Я медленно повернула к нему голову, внимая его словам поддержки. — Если тебя это утешит, этот двор не видел подобных сцен уже циклов пять. Тебе, между прочим, можно собой гордиться.

— Я не горжусь.

— А зря. — Он улыбнулся той самой ямочкой, но мягче, чем обычно. — Лире такое снилось в страшных снах.

Я не смогла удержать короткий смешок. Тихий, в нос, в собственную чашу. Изон от моего дыхания полыхнул на поверхности.

И мне, наконец, стало немного легче.

“Каэль записан в список моих союзников”, — мысленно отметила я про себя.

Я осторожно сделала второй глоток. В этот раз изон зашёл мягче. Жар ударил уже не в нёбо, а ниже, прямо в грудь, и оттуда тёплой волной разошёлся по плечам, по ключицам, до самых кончиков пальцев. У меня немедленно перестали гудеть колени и гореть щёки. Даже сигил на запястье тихо моргнул и затих, будто и ему стало спокойнее.

— Каэль, что в нём?

— В изоне? — Он повёл плечом, не отводя взгляда от огня. — Старая нефилимская традиция. Делают только в одном месте — в Альвеоне у Альяр. Они туда вкладывают что-то от своего дара, и поэтому изон у некоторых даже мысли успокаивает. У тебя, видимо, как раз тот случай.

— То есть это...

— Да, целебное. Не совсем, но почти. Действует он сильно, особенно когда пьёшь его впервые. Поэтому, кстати, Максимилиан и пытался забрать у тебя чашу. Он не хотел, чтобы у тебя в первый же оборот всё размылось вокруг. У него, скажем мягко, профессиональная привычка следить за всем происходящим вокруг своих гостей.

Я медленно перевела на него взгляд.

Музыка у костра в этот момент сменилась. Струнный инструмент уступил место какому-то лёгкому, как смех, голосовому распеву: двое мужчин у дальней скамьи затянули старую песню без слов. Мелодия шла волной, и многие у огня тихо подпевали. Я почувствовала, как у меня в груди против моей воли, против всей моей шпионской выправки, что-то очень тихо подалось этой волне навстречу.

Спокойно выдохнув, я сделала третий глоток.

И именно в этот момент, когда мне впервые за весь этот оборот стало почти хорошо, Максимилиан вновь подошёл к нам.

Каэль поднял на него взгляд, почтительно наклонил голову и так же медленно поднялся.

— До скорого, красотка, — подмигнул он, затем мягко коснулся пальцами края скамьи и ушёл. Я мысленно отметила, что Каэль, оказывается, умеет не только вовремя подходить, но и уходить. Это было редкое сочетание чувства такта в нём.

Максимилиан стоял у скамьи.

— Можно? — спросил он.

Я оценивающе прищурилась, но не успела ничего ответить, как он уже опустился рядом. По правому боку немедленно прошло то самое тёплое поле, которым этот мужчина окружал всё, к чему прикасался. Я мысленно у себя в голове отодвинулась от него на ладонь подальше, потому что физически не могла этого сделать, не выдав себя.

Он смотрел на огонь. В свете пламени, с золотыми сгигилами на висках, с челюстью, мягко очерченной светом, он заговорил:

— Старейшины приняли моё решение привести тебя в Астрион. Сопротивлялись, как ты, наверное, догадываешься, но оспаривать не стали. Тебе открыт такой же доступ, как остальным нефилимам клана. — Он сделал короткую паузу, и я уловила, что она была преднамеренной, и

за ней сейчас что-то прилетит. — В запретные секции оружейных, артефактов и библиотеки, как и остальным младшим нефилимам, тебе нельзя.

Я очень медленно опустила чашу на скамью между нами.

— В каком смысле — “младшим”?

Он, наконец, повернул ко мне голову. Лицо непроницаемое. Выражение его лица было из разряда: “я знаю, что сейчас будет, и мне даже немного интересно посмотреть”.

— С завтрашнего оборота, — глаза Максимилиана бегали, осматривая моё лицо при свете огня, — ты присоединишься к обучению с младшими нефилимами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.